

**Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Курский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения и социального развития России»**

Л.С. Клейн, С.П. Щавелев

**Александр Александрович Формозов
(1928–2009)**

Послесловие

Курск 2011

УДК
ББК

Клейн Л.С., Щавелев С.П.

**Александр Александрович Формозов (1928–2009). После-
словие** – Курск, изд-во Курского мед. ун-та, 2011. – 80 с.

Издание посвящено выдающемуся русскому учёному — археологу, историку, историографу Александру Александровичу Формозову (1928–2009), более полувека служившему научным сотрудником Института археологии Академии наук СССР / РАН, выпустившему ценные труды по эпохам камня и бронзы на территории нашей страны; по первобытному искусству; по истории изучения отечественных древностей; по этике и психологии научного поиска.

В издании содержатся: биографический очерк о нём и его месте в российской науке, написанный его петербургским коллегой, в свою очередь признанным патриархом русской и мировой науки, профессором Л.С. Клейном; замечания и дополнения к этому очерку, высказанные учеником Александра Александровича С.П. Щавелевым; фрагменты переписки этих двух авторов в связи с различными оценками творческого наследия А.А. Формозова.

В приложениях помещены: уточненный и дополненный список печатных трудов А.А. Формозова; его последнее интервью (декабрь 2008 г.).

Для всех, кто интересуется вопросами истории и археологии, а также в целом миром науки и культуры, его вечными и новыми проблемами.

Оформление обложки М.В. Хрулова.

В оформлении обложки использовано изображение

© Текст — Л.С. Клейн, С.П. Щавелёв (2011);

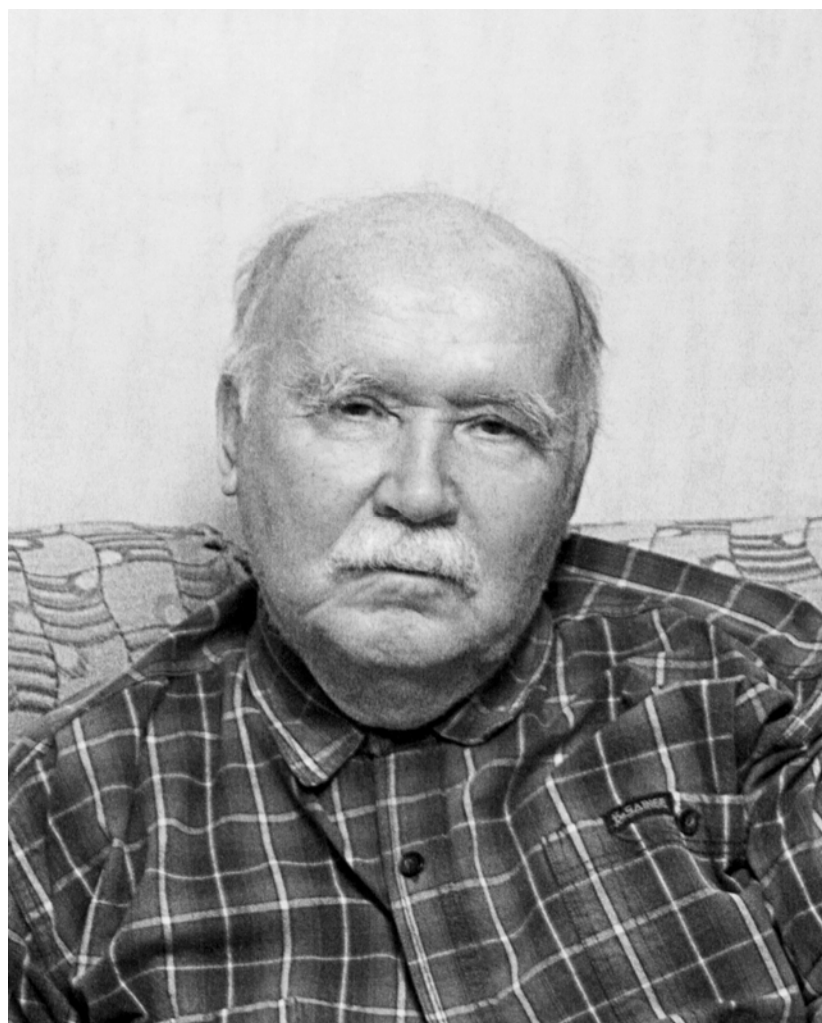
© Оригинал-макет, оформление — КГМУ (2011)

Содержание

Предисловие	5
<i>Л.С. Клейн. La bete noire советской археологии. А.А. Формозов</i>	<i>7</i>
<i>С.П. Щавелев. Классик и диссидент российской археологии. А.А. Формозов. (Замечания на очерк Л.С. Клейна «La bête noire советской археологии»)</i>	<i>24</i>
Из писем <i>Л.С. Клейна С.П. Щавелеву</i>	39
<i>Приложения</i>	46
I. Интервью <i>А.А. Формозова</i> (данное <i>С.П. Щавелеву</i> 12 декабря 2008 г.)	46
II. Список публикаций <i>А.А. Формозова</i>	54
Указатель имён	
Список сокращений	

***Светлой памяти
Александра Александровича Формозова (1928–2009) —***

выдающегося русского археолога и историка науки в России.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Ещё ли молчать,
безъязыким ставши?!
Не выманите меня на то
В стихах его
имя моё —
не ваше —
четырежды упомянуто».

*Н.Н. Асеев.
Маяковский начинается.*

Лев Самуилович Клейн был знаком с Александром Александровичем Формозовым более 60 лет; они вместе начинали свой путь в полевой и исторической археологии, затем периодически общались, лично и в переписке, по поводу взаимно интересных им вопросов науки и жизни. В книгах и статьях А.А. Формозова 1990-х – 2000-х гг. заметное место занимает диалог и полемика с Л.С. Клейном о прошлом и настоящем науки об отечественных древностях¹. В статьях, монографиях и мемуарах Л.С. Клейна² в свою очередь красной нитью проходит тема сотрудничества, общения и споров с А.А. Формозовым. Несмотря на отдельные идейные разногласия, они от начала до конца сохраняли взаимно уважительное, да что там — дружеские отношения (чему автор этих строк был живым свидетелем с обеих сторон³).

После кончины Александра Александровича у нас с Львом Самуиловичем завязалась электронная переписка, в которой обсуждались возможные варианты изложения биографии Формозова. На подготовленный для проектируемой книги Л.С. Клейна «История русской археологии в лицах» очерк о Формозове я сделал ряд замечаний и дополнений. Автор часть из них принял, а часть мотивированно отклонил. У нас возникла мысль обнародовать материалы нашего обсуждения. В результате появилась эта брошюра-конвюлют.

На показательном образце личности, биографии и творческого наследия А.А. Формозова составители этой книжки, по словам старшего из них, пробовали «заботиться о цельности и целенаправленности подборки. [Просто] биография, интервью, неопубликованные вещи, комментарии — это [была бы] одна книжка, справочно-источниковедческая. В центре её — Формозов. Вариант биографии, дискуссия по нему, споры, мнения — это другая книжка, полемическая. В центре ее — наши мнения о Формозове, дискуссия

¹ См.: *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. М., 2006. С.

² С.: *Клейн Л.С.* Ответ профессора сыну профессора; Трудно быть Клейном. СПб., 2010.

³ Когда в предисловиях и послесловиях к работам А.А. Формозова, опубликованным в Курске, я пытался задеть Л.С. Клейна, думая, что защищаю своего учителя, Александр Александрович неизменно советовал мне снять этот раздражённый пассаж — «Нам с вами это не нравится, но не будем переходить на личности!»

о нём. В первой книжке портрет Формозова нужен, а наши вообще не нужны. Во второй нужнее наши портреты. Я могу дать свою биографию Формозова в любую из этих двух книг. Но нашей переписке место только во второй книжке, каков бы ни был её объем. В первой книжке она неуместна... Как неуместна она была бы и в сборнике его памяти. Если читатель покупает книжку о Формозове, с какой стати он вынужден будет читать наши споры о том, как делать историографию о нём. [В.Я.] Пропп мне повторял сентенцию своего учителя И.И. Толстого: «Никогда не показывайте читателю свою исследовательскую кухню». А вот из тех, кто интересуется не [только и не] столько Формозовым, сколько способами решения историографических задач, кто-то купит заведомо полемическую книжку» (*Л.С. Клейн — С.П. Щавелёву* [его дополнения в квадратных скобках]. 20. 09. 2010 г.).

Младший из авторов-составителей придерживается более эклектичного подхода к структуре подобной работы и вообще жанру биографической историографии науки, и он всё-таки дерзнул поместить в виде приложений последнее интервью героя наших очерков и уточнённую библиографию его публикаций, в составлении которой мне выпала честь участвовать. Возможно, кому-то из возможных читателей настоящего издания окажется ближе эта его часть.

Что до «кухни» биографической историографии, то и о ней можно спорить. Когда покойный академик М.Л. Гаспаров еще при жизни опубликовал том своих записных книжек, многие читатели встретили это издание восторженно: россыпь идей, смелость мысли и т.п. А.А. Формозов же на это счёт поморщился (в вышеупомянутом духе И.И. Толстого). В качестве материала для обсуждения такой коллизии ниже приводятся выдержки из писем Л.С. Клейна по обсуждаемой тематике. Эта небольшая эпистолярная уточняет жанр, в котором мы ниже обращаемся к возможным читателям.

Но всем без исключения должно быть поучительно, как различные, моментами диаметрально противоположные оценки одних и тех же лиц и событий не мешают представителям разных поколений российской науки вести взаимно уважительный, смею надеяться, диалог... И если часть рукописей всё же горит и теряется безвозвратно, то ценные, пусть и спорные в чём-то идеи как-то выживают в коллективном сообществе, так называемом «незримом колледже» специалистов даже после ухода их авторов.

Я от души признателен патриарху нашей науки Льву Самуиловичу Клейну за то, что он удостоил меня чести беседовать с ним обо всём этом, что интересуется меня больше всего на свете.

Профессор С.П. Щавелёв.

22 декабря 2010 г.

Л.С. Клейн
La bête noire советской археологии

А.А. Формозов

1. Чёрный зверь? В каждой стране археология знает одиозную фигуру, на которой концентрируется ненависть коллег. В Германии таким был Косинна, в Англии — Питер Аккоу, в США — Уолтер Тэйлор, в какой-то мере Джеймс Форд. У нас это А.А. Формозов, московский археолог, проработавший в Институте археологии без малого 60 лет и ставший основателем историографии археологии как особой отрасли знания.

Французское *la bête noire* в буквальном переводе означает «чёрный зверь» (это эвфемизм «дьявола»). Внешне этот эпитет совершенно не подходит к Формозову. Александр Александрович Формозов (1928 – 2009) на возрасте — полноватый, лысый, с сияющей застенчивой улыбкой на круглом лунообразном лице, почти мой ровесник (на год младше). Совсем не чёрный, а скорее светлый. Родился в семье известного профессора зоологии МГУ, а мать его — тоже доктор наук, но по геохимии. Предки — священнослужители. Учился в Московском университете.

Е.Е. Кузьмина (2008: 19) вспоминает: «Он учился на два курса старше нас в «группе гениев». В нее входили уже тогда выделявшиеся Александр Александрович и будущие академики Валентин Лаврентьевич Янин, Валентин Васильевич Седов, а также ставший детским писателем Валентин Дмитриевич Берестов и исследователь Хорезма Юрий Александрович Рапопорт. Саша рассказывал, что в день окончания университета трое: Янин, Седов и он гуляли до рассвета по Москве и мечтали о своих будущих открытиях».

Один среди трёх многообещающих Валентинов, Александр Формозов и в самом деле прошел гладкой дорогой. Учился он на факультете у Арциховского, потом в аспирантуре у известного антрополога Дебеца, защитил кандидатскую и проработал в московском Институте археологии АН СССР – РАН полвека, до выхода на пенсию. Внешне очень спокойная карьера.

Но, опубликовав множество книг, причем первоклассных и читаемых, за полвека защитил только кандидатскую диссертацию, а докторскую нет. То ли не дали, то ли не захотел. Происходя из рафинированно интеллигентной среды, не знал ни одного языка и с иностранными коллегами почти не общался. Имея уйму смелых идей, не оставил учеников. Похвалялся своей демократичностью, но ему был присущ некоторый снобизм: смотрел на коллег из простонародья, на инородцев и провинциалов с высоты своей принадлежности к сливкам русской интеллигенции. Говорил о них печатно: «малокультурный», «тёмный», «серая масса». Впрочем, это поддерживало в нём накал принципиальности: надо же быть достойным своей миссии. Будучи в самом центре археологической науки и представляя элиту учёного мира, рассорился почти со всеми коллегами, всех обидел — и подвергся остракизму. А вот современная молодёжь на него молится.

Я не был его близким другом, но в приятельских отношениях мы были с 1951 года, то есть 60 лет, встречались на конференциях и в поле, переписывались, так что я могу судить об этой незаурядной фигуре не только по лите-

ратуре, но и по своим личным наблюдениям. Близким другом его был ленинградец А.Д. Столяр, написавший о нём в своей обычной манере чрезвычайно словообильные и высокопарные воспоминания (Столяр 2004; 2010), однако из них можно извлечь немало конкретных сведений, как и из юбилейных статей, автобиографических заметок, мемуаров и некрологов.

2. Воспитание личности: вундеркинд. Происхождение фамилии прослеживается с начала XIX века. Фамилия объясняется с латинского *formosus* ‘красивый’ и принадлежит к числу так называемых семинарских фамилий — их давали в духовных семинариях воспитанникам, обычно из крестьян, дабы выделить из крестьянского сословия. То есть фамилия звучит как Красивый, Красавцев, Красавчиков.

Прадед Александра Александровича Елпидорф и был выпускником нижегородской семинарии и затем арзамасским священником. Сам А.А. характеризовал его, по словам Столяра, как «тяжёлого и мрачного человека, пьяницу и семейного тирана». Дед археолога Николай хорошо окончил ту же семинарию, знал латынь и греческий, но отказался от принятия священнического сана, став чиновником. Дослужился до чина надворного советника (в армии это был бы подполковник), но в революцию 1905 года отказался быть приставом в полиции и был уволен. Он увлекался толстовством, и кумиром его был В.Г. Короленко.

Отец археолога Александр Николаевич возлюбил природу — стал зоологом, профессором Московского университета и основателем русской экологии. Он был чужд новых увлечений математическими методами и техническими средствами, предпочитал непосредственное восприятие и передачу впечатлений словом, популяризировал научные знания. Это передалось сыну, но любовь к природе не могла заразить сына, так как отец был часто вдалеке и не брал его с собой в дальние экспедиции. Вместо того развилось пристрастие к родному краю и его истории. Передалась и принципиальность отца — тот не признал истин «народного академика» Т.Д. Лысенко и остался на позициях генетики, чудом избежав расправы.

Мать археолога была родом из Костромы, крестным отцом её был артист Малого театра Н.М. Падарин, который когда-то укрывал в своей квартире Ленина от полиции. Но семья Формозовых не была советской по духу. Родители одобряли воздержание Саши от вступления в пионеры и в комсомол. В своём кругу в Ленинграде я знал только одного юношу из интеллигенции, упрямо не вступавшего в комсомол — это мой ученик Александр Козинцев, сын известного кинорежиссера. Видимо, и в случае с Формозовым авторитетность отца спасала юношу от нажима и отторжения среды.

Учитывая интересы сына, отец определил его в школьный кружок истфака, а с археологами отец был знаком с 1920-х годов — знал М.В. Воеводского, О.Н. Бадера, С.П. Толстова, а для Б.С. Жукова определял фауну из раскопок (правда, Жуков был уже арестован, а Бадер сослан). В 1940 – 1941 гг. отец впервые взял сына с собой в близкую экспедицию, где он проводил

студенческую практику, — в Подмосковье, в Звенигород. В том же году вместе с матерью Саша ездил в Казахстан и на Южный Урал.

Сразу же после начала войны, в июле 1941 г., мать вместе с 12-летним сыном уезжает в эвакуацию в Актюбинск, где работала её геологическая экспедиция. Там, в Казахстане, на Урале и в Приаралье, Саша собирает подъёмный археологический материал. В конце 1943 года оба возвращаются в Москву, и Саша относит свои находки в ГИМ, познакомившись с М.Е. Фосс и О.А. Граковой. Принимаются в печать и его первые заметки об этих находках (это оказалась кельтеминарская культура). Таким образом первая печатная работа по археологии у Саши вышла в 1945 году, когда ему было 14 лет, и дальше они пошли сплошной полосой. Чем не вундеркинд?

В 1946 г. поступил на истфак МГУ, к С.В. Бахрушину, на кафедру истории СССР периода феодализма, но там сразу же его напугала атмосфера проработок и идеологически-политических кампаний, и он перевёлся на кафедру археологии, которой ведал А.В. Арциховский. Встретили его восторженно, и Столяр перечисляет причины: он уже имеет за плечами археологический опыт, он единственный из всей группы собирается специализироваться по первобытной археологии (остальные по славяно-русской и по восточным цивилизациям) и (как читатель понимает) главное: отец — профессор университета, к тому же близко знакомый с ведущими археологами кафедры. В эвакуации в Ашхабаде он был в тесной небольшой общине с А.В. Арциховским, М.В. Воеводским, Б.Н. и О.А. Граковыми, вместе переносили тяготы жизни в эвакуации.

Как сообщает Столяр (2004: 445), по мнению зрелого Формозова, тогдашнее захваливание было не очень педагогически разумным и повредило его становлению. Ну, это старческая ирония. А при первой встрече со Столяром (в 1949 г.) он выразил свою убежденность, что по существу у него не было учителей. Он сделал себя сам. Столяра, обожествляющего своих учителей и неустанно подчеркивающего свою верность им, это шокировало. Но, Формозов (2005: 162) и в старости так считал. Вдумавшись, можно понять, что Формозов был по сути прав. Он имел так много учителей, что мог их сравнивать, рано оценил их достоинства и недостатки и имел возможность выбирать если не кумиров, то идеалы. Он и выбрал — отнюдь не реальных московских учителей, а ленинградца С.Н. Замятнина, с которым общаться ему довелось мало.

В студенческие годы Формозов с увлечением слушает курсы (например, Рыбакова по Древней Руси), активно ездит на полевую практику в экспедиции — с Воеводским, Пассек и Граковыми, с ленинградцем Иессеном, с киевским археологом Тереножкиным (у Тереножкина мы впервые с ним и встретились). К окончанию университетского курса он был автором 12 публикаций и участвовал в редактировании статей для «Кратких сообщений» института. Защитил дипломную работу «Палеолит Прикубанья, Нижнего Подонья и Приазовья». Состоялась та самая совместная прогулка с будущими академиками по ночной Москве.

Тут возникли некоторые затруднения. Получив направление госкомиссии в аспирантуру, Формозов не смог добиться нужной аттестации от факультетской «общественности». «Треугольник» (партком, местком и дирекция) выдал ему (как и Седову) отрицательную характеристику. Под ней стояла и подпись Рыбакова. Путь в аспирантуру Университета был закрыт. Но тогда Рыбаков не был еще директором ИИМКа (будущего Института археологии), директором был никакого отношения к археологии не имевший А.Д. Удальцов. Его вялое сопротивление удалось быстро сломить благодаря заступничеству Арциховского и Киселева, а тот был замом директора. Резоном было не только знакомство (элементарный блат), но и необходимость в палеолитчике на смену умершему только что Воеводскому.

Научным руководителем аспиранта Формозова должен был стать А.Я. Брюсов, лидер московской первобытной археологии. Формозов со студенческих лет относился к научным достоинствам Брюсова скептически и решительно воспротивился. Ему претило выделение в каждом закоулке новой культуры, вмешательство в споры о культурах Украины без их изучения, фантастические идеи Брюсова. Он добился, чтобы руководителем стал Г.Ф. Дебеч, даже не являвшийся сотрудником института. Вдобавок аспирант стал употреблять бранную кличку «брюсовщина» и популяризировать воспоминания поэта Валерия Брюсова, в которых тот нелестно отзывался о своем младшем брате. Этот последний стал злейшим врагом аспиранта, врагом влиятельным и заядлым.

Формозов надеялся на помощь со стороны лидирующего коллектива палеолитчиков Ленинграда во главе с П.П. Ефименко, но те не спешили помогать возрождению в Москве конкурентного палеолитического сектора, зато отношения с Киселевым эти попытки подпортили: тот был энтузиастом подавления ленинградских притязаний на лидерство и говорил Пассек, что в лице Саши растёт «пятая колонна» ленинградцев. Из ленинградцев же на помощь Формозову пришёл только Замятнин, стоявший в коллективе палеолитчиков особняком.

Между тем, у Формозова подошёл срок защиты кандидатской диссертации «Локальные варианты культуры эпохи мезолита в европейской части СССР». Наметилось расхождение с установкой московской школы археологов-каменщиков (Фосс и Брюсов) на выделение узколокальных культур. Формозов склонялся к установкам ленинградцев Замятина, Ефименко и др., для которых существовали обширные области в каменном веке, охваченные сходствами основных параметров. Он внёс и нечто новое — идею об огромной устойчивости таких зон. Скажем, особая концентрация искусства во Франции сохраняется от первобытности до современности. При обсуждении стало ясно, что с диссертантом не согласны в том или ином вопросе семеро авторитетных коллег: Ефименко, Борисковский и Замятнин — кое в чём, Фосс и Бадер — во многом, Бибилов и Брюсов — в целом. Всё же защита прошла успешно в 1954 году. Новоиспеченному кандидату наук было 25 лет.

3. Крымская война. В 1952 г. Формозов был направлен в Крым как начальник Бахчисарайского отряда Костёнковской экспедиции П.И. Борисовского. То есть начальник был из Ленинграда, а центр экспедиции под Воронежем! Из раннесоветских исследователей каменного века в Крыму все — Г.А. Бонч-Осмоловский, Н.Л. Эрнст, Т.В. Гелах, О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов и др. — подверглись репрессиям и отправились в лагерь или ссылку. Единственным, кто уцелел, был С.Н. Бибилов, кстати, уроженец Крыма, работавший в Ленинграде. Бибилов участвовал в раскопках Бонч-Осмоловского, а после его ареста копал несколько сезонов без него (последний раз в 1938 г.) и пришёл к выводу, что всё в Крыму изучено, и копать больше незачем. Этим мнением он и поделился с Формозовым. Против выбора Формозова не возражал. Сам он, оставив Крым, больше всего занимался Трипольем на Днестре.

В 1953 г. Формозову повезло — он обнаружил в пещере под Старосельем погребение мальчика-неандертальца (Формозов 2004а: 90 – 98). Перед тем в Крыму погребение неандертальца было обнаружено в 1924 году Бонч-Осмоловским, но сильно разрушенное. А тут почти целый скелет! Формозов оценил важность находки и свою ответственность. Поэтому могилу присыпал и, несмотря на присутствие в экспедиции двух начинающих антропологов — супругов В.П. и Т.И. Алексеевых, вызвал из Москвы комиссию из виднейших авторитетов: археолога С.Н. Замятина и антропологов М.М. Герасимова и Я.Я. Рогинского. Дальнейшие раскопки шли в присутствии и с участием комиссии. Это было предусмотрительно: в дальнейшем появились подозрения, что это не неандерталец, а татарчонок XVIII века — поблизости есть татарское кладбище, а детские кости труднее отнести к какой-то стадии эволюции. Но комиссия подтвердила, что погребение находилось в ненарушенном культурном слое, и увезла монолит со скелетом в Москву.

Это вывело из себя Бибилова — сделать такое упущение! По Триполью ему было трудно конкурировать с Пассек, а вот в палеолите Крыма зря был упущен приоритет — ведь можно было утвердить свою монополию! Такое открытие нельзя было оставлять в руках московского молокососа. Бибилов приехал после отъезда комиссии и завершения работ и обрушился с упреками, частично справедливыми, частично с придирками. На следующий год был создана Крымская археологическая экспедиция, начальником которой стал Бибилов, и формозовский отряд был включен в неё. После сезона 1954 г. в Москву прибыла бумага из Ленинграда, в которой ряд сотрудников во главе с Бибиловым негодовал по поводу низкого уровня раскопок Формозова.

Как раз в 1954 г. Хрущев подарил Крым Украине, а в 1955 году Бибилов (чьё диссертацию Формозов подвергает сомнению — её нет в архивах) стал директором Института археологии Украины, и на 1956 год отказал Формозову в открытом листе. Открытый лист получила по просьбе Формозова М.Д. Гвоздовер. Копал по её листу и писал отчёт Формозов. В общем, ему пришлось покинуть Крым. Но и Бибилов там не закрепился (после удаления

Формозова у него возникли новые интересы) — копать палеолит Крыма стал украинец Ю.Г. Колосов.

В том же году директором ИИМК в Москве стал Б.А. Рыбаков. Он был по натуре человек не зловредный, но властный, самоуверенный и коварный, так что учитывая подписанную им пять лет назад характеристику своему выпускнику, Формозову предстояла нелёгкая жизнь под надзором активного дрессировщика.

Выполнил он монографию по Староселью. Прохождение её шло туго. Рецензентами были назначены О.Н. Бадер и Д.А. Крайнов. Они недолго любили друг друга, но оба терпеть не могли автора монографии. Отношения с Бадером явствуют из последующих книг Формозова. Он считал, что Бадер гонится за количеством статей, не заботясь об их качестве и о выполнении своего долга по полному изданию памятников. Очевидно, Формозов и не скрывал своего мнения — он вообще не умел скрывать оценок. А незадолго до своей защиты Формозов отказался редактировать книгу Крайнова, считая её негодной к публикации. Крайнова звали самым глупым из учеников Городцова, но именно он был очень близок к директору Рыбакову. Рыбаков же потребовал, чтобы непременно был отзыв Бибикова. Директор желал отзыва от директора. Монография вышла в 1958 году.

Затем Формозов определённо заработал неприязнь лидера сибирской археологии А.П. Окладникова, написав откровенный отзыв на его рукопись статьи для юбилейного сборника. А затем ещё и закрепил эту неприязнь отказом быть оппонентом кандидатской диссертации В.Е. Ларичева, тогда самого любимого ученика Окладникова.

Итак, ряд недоброжелателей выстраивается достаточно импозантный: Рыбаков, Брюсов, Бибиков, Бадер, Крайнов, Окладников. Для 25-летнего кандидата наук неплохо. Таковы были ближайшие и отдаленные результаты «крымской войны» Формозова.

4. Покорение Кавказа. С 1957 года Формозов решил сменить регион полевых работ — с Крыма на Северный Кавказ. Администрация ИИМК приняла эту идею с энтузиазмом, предложив Формозову руководить изучением палеолита всего региона и обещав поддержку и неограниченное финансирование. Формозов уловил за этим заднюю мысль выжить из региона ленинградца Любина, и перевести всё в Москву. Руководить всем он отказался и организовал взамен объединение небольшого московского отряда с таким же небольшим ленинградским (эрмитажным), предложив эту идею своему ленинградскому другу Столяру. Идея привилась. В 1957 г. оба друга проводили работы на неолитических стоянках в районе Адлера, со следующего года занялись раскопками местонахождений каменного века и ранней бронзы в Адыгее. Столяр начал раскапывать открытую аспирантом-физиком (добровольцем в его экспедиции) Алексеем Ельяшевичем энеолитическую крепость Мешоко (Ельяшевич впоследствии стал профессором и руководителем науки Петербурга). Совместные раскопки продолжались до 1965 года.

Столяр, с 1964 года ставший доцентом университета, продолжил раскопки и в 1965 г., но затем ему это стало трудно: сказались нагрузки в университете, раздоры с хранителями материалов Мешоко в Эрмитаже и тяжёлое заболевание матери. С 1967 г. привязанным к уходу за больной матерью оказался и Формозов.

Осмыслили находки оба друга тоже без столкновений, но несколько по-разному. Сначала Формозов выпустил очень толковую книгу «Каменный век и энеолит Прикубанья», в которой на широком фоне проследил непрерывное развитие майкопской культуры. Потом Столяр по стратиграфии Мешоко разбил в своих статьях майкопскую культуру на две стадии — собственно майкопскую и новосвободненскую, и это разделение на две культуры вошло в археологический обиход.

5. Борьба за петроглифы. Формозов же занялся наскальными изображениями СССР и в 1960-е годы выпустил книги по первобытному искусству. Здесь он столкнулся с интерпретациями Окладникова, который придерживался менее строгой методики, а кроме того не терпел сильной конкуренции. Несогласие Окладников принял в штыки, а у него было немало подручных.

Историю их противостояния Формозов излагает подробно в специальном очерке «Как мы спорим», написанном в 1983 г. напечатанном в расширенном виде в книге «Человек и наука». Окладников впервые занялся сибирскими писаницами в 1940-х годах и опубликовал о них более 20 книг. Он отнёс их к каменному веку, некоторую часть даже к палеолиту. Аргументы его были неубедительными: 1) отсутствие бизонов и лошадей в Сибири после палеолита (вымерли), 2) величина рисунков, и, главное, 3) сходство с фигурами пещерных фресок очень отдалённых стран — Франции и Испании, причем сходства частные (поза). И быки, и лошади водились в Сибири и после палеолита; размер рисунков — не доказательство, а поза (с подогнутыми коленями) слишком банальна. С отдельными возражениями выступали Замятнин, Киселёв и Грязнов, но в провинции выводы Окладникова, красиво изложенные принимались на ура.

В 1960-е годы первобытным искусством занялся Формозов (первые статьи в 1961 и 1963 гг.) и начал систематично опровергать заключения Окладникова. Первая книга Формозова о первобытном искусстве вышла в 1966 году («Памятники первобытного искусства на территории СССР»). В 1967 г. в «Советской этнографии» появилась вежливо критическая рецензия Формозова на книгу Окладникова о Шишкинских писаницах. Отклики на эту рецензию от учеников Окладникова и искателей милостей от него (он был тогда уже членкором) не замедлили появиться, причем С. Пелих признавалась, что большую часть отклика написал за неё сам Окладников (Формозов 2005: 181). В 1969 г. Формозов поместил в «Советской этнографии» ответ Пелих и Савватееву, где высказался уже категоричнее о работах Окладникова. Одновременно вышла книга Формозова «Очерки по первобытному искусству», где была расширена аргументация, а также приведены примеры путаницы из работ Окладникова. Кроме того, равнодушие лидера сибиряков к памятникам

было продемонстрировано съёмкой кино по его сценарию в Шишкине, для чего древние гравировки замазали голубой краской.

Это уже было серьезнее. В 1970 г. в «Советскую этнографию» поступили сразу две статьи против Формозова, написанные одна А.И. Мартыновым из Кемерова, выдвиженцем Окладникова, другая В.А. Рановым из Средней Азии. Оба собирались защищать докторские (и защитили через несколько лет у Окладникова в Новосибирске). Мартынова Формозов уличает в плагиате из формозовской книги, приводя параллельные тексты (в плагиате его уличали и в Ленинграде, куда он возил свою докторскую).

Дискуссия расширялась. На стороне Окладникова выступили А.И. Мазин, В.И. Молодин и др., на стороне Формозова — Н.Л. Подольский и друг Формозова А.Д. Столяр, который, однако, и с Окладниковым ссориться не хотел. Ещё один специалист по первобытному искусству, Я.А. Шер занял такую же позицию, ратуя вдобавок за объективные формализованные методы. То есть он, по сути, также отвергал заключения Окладникова, но не ставя точки над *i*. Однако в отличие от Столяра он не был близким другом Формозова, и ему Формозов не простил отказа напрямую обвинять Окладникова. В дальнейшем он всячески треплет в печати имя Шера, а Шер отвечает, также не выбирая выражений.

Кстати, Шер был тогда уволен из ленинградского Института, собирался устраиваться в Сибири, и Формозов объясняет этим его нежелание раздражать Окладникова. Формозову, защищённому в своем московском благополучии своим наследственным статусом (то есть блатом), легко предъявлять такие суровые требования людям, чьё положение было гораздо более шатким.

Но обе рецензии на книгу Формозова (столяровская и шеровская) в печать долго не могли пробиться. Редактор «Советской этнографии» Ю.П. Аверкиева заявила, что не позволит Формозову «сводить личные счёты с Окладниковым», а академик Б.А. Рыбаков редакторам своих изданий велел вычеркивать из статей Формозова выпады в адрес Окладникова: с Мартыновым спорить можно, а с Окладниковым — нельзя (Формозов 2005: 196). В самом деле, что же это будет, если всякому позволено будет сомневаться в заключениях академика! Так можно дожидаться, что и более высоких авторитетов не пощадят!

Дискуссия развернулась всюду уже в конце жизни Формозова, когда в новой России он опубликовал задним числом несколько книжек об общей ситуации в советской науке, на что последовал залп статей в «Российской археологии» (№ 3 за 2006 год). Окладников и его ученики и защитники были одной из тем спора. К грехам Окладникова он добавил ещё два: «подмену жанра» (так называется целая глава в его книге «Человек и наука») и «хамелеонские трансформации» взглядов на прошлое.

Первый грех («подмена жанра») состоял в том, что вместо логически точных и обоснованных фактами положений используются красочные рассказы, беллетризованные разглагольствования с метафорами и пышными

эпитетами, втюхивающие какую-нибудь заманчивую идею. «Как только Окладников подходит к чему-либо спорному, он сразу же начинает говорить красиво, и эти красоты затемняют суть дела» (Формозов 2005: 104). Формозов, конечно, удивительно наблюдателен и тонок в своем ехидстве.

Второй грех, разумеется, свойственный не одному Окладникову, заключался в легкости смены взглядов, ориентаций и убеждений в угоду властям. В 1937 году Окладников писал о кровавом захвате Бурятии царскими колонизаторами и отчаянном сопротивлении вольнолюбивого бурятского народа, а через полтора десятка лет — о добровольном вхождении Бурятии в состав российского государства. В пятидесятых годах — о массе заимствований из дружественного Китая, а как только Китай перестал быть дружественным — об отсутствии малейших влияний Китая на наш Дальний Восток. Окладников не считал нужным оправдываться. Разумеется, писал, как требовалось. Все так писали.

Нет, не все! — отвечает Формозов. «Были, ведь, ученые, работавшие так, как подсказывала научная совесть, а когда им работать не давали, находившие в себе мужество хотя бы молчать» (2004: 98).

В статьях 2006 года почти все авторы возмущены инсинуациями Формозова в адрес Окладникова. Но за исключением Шера возмущением дело и ограничивается. Провержений нет. Савинов (2006: 171) приводит как анекдот указание Формозова на то, что палеолитические статуэтки из Бурети были забыты Окладниковым, а потом случайно найдены в сундуке матери среди старого тряпья и подарены приятелю, директору провинциального музея. Но у Формозова (2005: 68) есть ссылка на описание факта в книжке этого самого директора. Анекдотичность же сего факта у Савинова ничем не подтверждена. Основные возражения — против общей нигилистической позиции Формозова.

Только Шер (2006: 168) приводит несколько неточностей (искажений истины) в воспоминаниях Формозова и его коренное упущение: «В том, что Окладников заложил основы первобытной археологии Сибири и на пустом месте создал новый сибирский институт археологии, который теперь не уступает институтам Москвы и Санкт-Петербурга, Формозов видит больше отрицательного, чем положительного». Это верно, не замечать этого грешно.

6. Экспедиция в историю науки и культуры. С начала 1960-х годов Формозов занялся историографией русской археологии, оставив с конца 1960-х полевые исследования. Он быстро стал лидером в этой отрасли. Впрочем, его учитель Арциховский писал соответствующие главы в многотомной академической истории отечественной науки (с 1957 г.), но это были официозные очерки, а Формозов излагал новые идеи и вполне оригинальные трактовки.

Одновременно с работами по искусству Формозов выпустил первую историю археологии России — живую, обаятельную книжку «Очерки по истории археологии» 1961 г. Она охватывала только историю дореволюционной археологии и оканчивалась временем А.С. Уварова. Но впервые был

представлен взгляд на русскую археологию не с официальной позиции, без шор, и об археологии говорилось просто, хорошим литературным языком, с личной заинтересованностью, заразной для читателя. Развитие археологии было рассмотрено на фоне развития общества и его культуры, со сменой исторических ситуаций. Описание археологии времен Николая I принадлежит к лучшим страницам историографической прозы.

Главным принципом периодизации явилось изменение места археологии в обществе. В период учёных путешествий археология была частью географии; затем с подъемом романтизма и сентиментализма — частью филологии; затем, как считает Формозов, победила функция исторического познания и археология стала частью истории, не дожидаясь прихода марксизма. Эта смелость историографа импонирует, но думается, что та «бытоописательная» концепция археологии, которую проповедовали А.С. Уваров и его соратники, была нацелена не на историю, а на этнографию, так что их археология была частью широко понимаемой этнографии и эта установка еще удерживалась палеоэтнологической школой в канун революции и после нее.

В 1974 г. последовала книжка «Археологические путешествия», в 1979 — «Пушкин и древности», в 1983 — «Начало изучения каменного века в России». Все эти книжки детализировали и развивали отдельные разделы «Очерков», а третья ещё и показывала истоки отставания русской археологии в освоении естественнонаучных подходов и методов. Истоки эти лежали в идеологической цензуре. Это было отрезвляющее чтение после десятилетий охоты за русскими приоритетами на всевозможные открытия.

Затем появились обобщающая книга «Страницы истории русской археологии» в 1986 г. и первая из крупных биографических работ — книга о Забелине в 1983. За ней через десятилетия последуют работа об А.С. Уварове — в 1994 и о Ефименко — в 2002. Работы эти настолько исчерпывающие и интересные, психологически проникновенные и историографически точные, что в моей книге трудно сказать об этих археологах что-то, то уже не было бы проанализировано Формозовым. Далее стали выходить сборники по истории отечественной археологии под его редакцией, и в работах молодых исследователей неизменно отправной позицией является опора на Формозова.

Став инициатором, организатором и патриархом этой отрасли науки, Формозов не ушёл из археологии в историографию. Он пришёл к осмыслению истоков и причин всего, что происходит в нашей науке, к анализу традиций. Это не было бегство в спокойные убежища, где можно отсидеться в бумажных залежах. Это был поход за аргументами в борьбе за подлинную науку, как Формозов ее понимал.

7. Старосельский скандал и конфликт с Марксом. В 1990-е годы разыгрался скандал с той же пещерой Староселье (Формозов 2004а: 105), с которой началась научная карьера Формозова. Ученик Колосова молодой украинский археолог В. Чабай, защитивший диссертацию в 1991 г., решил продолжить раскопки пещеры с 1993 г. и вовлёл в это американского археолога Энтони Маркса из Далласа. Американцам было разрешено брать образцы для

анализа, а за это они финансировали раскопки три года, а Чабая оплачивали длительные командировки в Даллас.

Формозов был убежден, что без его разрешения копать памятник нельзя, хоть со времени его раскопок прошло 40 лет, а памятник теперь был в юрисдикции другого государства — Украины. Он мотивировал свой протест также соображениями методики. Раскоп в 1956 г. был тщательно законсервирован, заложен камнем, зарос дерном, и Бахчисарайский музей следил за его сохранностью. Выбирать для раскопок нужно было другие памятники, особенно находящиеся под угрозой разрушения.

О новых раскопках Староселья Формозов узнал стороной через год после их начала. Чабай прислал ему из Далласа объяснение, в котором писал, что никаких прав на Староселье у Формозова не было, так как нашел стоянку украинский археолог Микола Кацур, сотрудник Бахчисарайского музея, а Формозов, оттеснив первооткрывателя, копал сам, но так плохо, что был лишен открытого листа. Формозов объявил, что это ложь, так как Кацур — лаборант без археологического образования, нашёл кремнёвые орудия там Формозов, о чем и рассказал Кацуру, никакого открытие Кацура нигде не зафиксировано. Умер Кацур в 1954 г. за 10 лет до рождения Чабая.

Для вящего позора Формозова была пущена версия, что мальчик вовсе не неандерталец, а татарчонок, потому что рядом Э. Маркс раскопал татарские погребения XVIII века. Но детальное сравнение скелетов не было проведено. Кроме того, подозрение в конфузной ошибке падает не столько на Формозова, сколько на членов комиссии.

Спор был вынесен на страницы «Каррент Антрополоджи» и «Российской археологии».

Квинтэссенция претензий Формозова (29004б: 102) изложена им четко и категорично:

«В целом моя оценка такова: имело место не что иное, как бандитский захват чужого памятника, жульничество с обоснованием прав на него и шантаж — угрозы Чабая — если пикнете, я про Вас ещё не то напишу.

Но вот позиция окружающих: с морально-этической точки зрения, может быть, Вы и пострадали, но уж с позиций права всё безупречно. Независимая Украина может поступать со своим памятником, как сочтет нужным. Это я слышал от Гвоздовер, Григорьева. Они знали обо всем чуть ли не на год раньше, чем я, ещё при заключении договора Киева с Далласом, но скрыли от меня это. Сектор палеолита в Петербурге не захотел ссориться ни с украинскими, ни с американскими коллегами. Это «Ваши проблемы». А нам важно не потерять американские доллары.

Но ведь лиха беда начало. Вчера захватили Староселье, завтра продадут Херсонес или Пантикапей. Моё право на Староселье не только в том, что я нашел эту стоянку. Оно — в труде, вложенном мной в раскопки (пять лет жизни) и в обработку материалов (те же пять плюс еще два). В Херсонес и Пантикапей вложили свои силы десять поколений русских ученых. Украинских здесь и тени не было».

Я считаю, что украинцы и американцы поступили не совсем культурно: нужно было соблюсти приличия и, по крайней мере, спросить старого московского археолога, каковы его соображения и пожелания. Это даже не этика, а всего лишь этикет. Но можно лишь пожалеть плечами: оснований для протеста тут нет. Я не поддержал Формозова, когда он просил меня дать мою подпись и присоединится к его протестному письму в «Каррент Антрополоджи». И американские доллары тут не при чем. Не поддержал по принципиальным соображениям.

Прежде всего, отбросим гневные пассажи о Херсонесе и Пантикапее. Поколения русских вкладывали свои силы в их изучение, как поколения англичан в изучение Мохенджодаро и Хараппы, но сейчас это другая страна, как Пакистан для англичан. В нашей собственности остаются только публикации, отчеты и находки. И слава первооткрывателя. Я тоже был возмущен барским дарением Крыма вместе со всем населением — как крепостной деревни — Украине. Но такова была феодально-социалистическая действительность под большевистской властью. Даже не Хрущева в этом следует винить персонально, а советский порядок вещей. Для Хрущева это было как переложить кошелек из одного кармана в другой. А теперь это чужой карман. И с этим ничего не поделаешь.

Если бы речь шла не об украинском и американском вмешательстве, а о своих российских разборках, суть дела оставалась бы та же. Можно рассуждать о целесообразности выбора памятника, о методической разумности или неразумности вскрытия законсервированного (но не навечно же!) памятника. Но археолог, копавший его 40 лет назад, может иметь здесь только совещательный голос.

Я не считаю, что право археолога на открытые им памятники должно быть вечным. Он открыл памятник не для себя, а для науки. По традиции, ему как открывателю должна быть гарантирована возможность первому извлечь из этого памятника научную информацию, и на это должно быть отпущено столько лет, сколько потребуется. Но это всего лишь культурная традиция, никакого права у него на это нет (Коренько 2004). Это учреждению принадлежит право установить такой порядок, коль скоро оно считает его разумным. А уж после этой работы, если открыватель больше над ним не работает, памятник по истечении какого-то разумного срока (в несколько лет) должен поступить в общее пользование ученых. Несколько лет достаточно на перерыв в работе, на отдых, лечение, обработку информации. Если прошли десятилетия, а исследователь занялся другими работами, он теряет свою первоначальную кровную связь с памятником. Во избежание конфликтов надо бы внести в инструкции Полевого комитета точные сроки (раньше было 10 лет), но в данном случае картина ясная.

Примерно эти соображения я и изложил Формозову. Он обиделся, однако его почти никто не поддержал, и отношения восстановились. Правда, в последующих работах, особенно после того, как я вступился за Шера, нет, да и проскользнет старая обида.

«Шер, как и Клейн (которым за державу нисколько не обидно), убеждены, что в любой ситуации правы всегда американцы...». Не в любой. Но в этой Формозов не прав. А за родину (не державу), конечно, обидно, но Формозов тут не при чем. Обидно по другим поводам.

Формозов так ссылается на работу двух русских археологов, подтвердивших его стратиграфию и палеолитический возраст погребения: «Эта работа была проведена по заказу американского профессора О. Бар Йозефа, относящегося к деятельности Э. Маркса далеко не так восторженно, как никогда не занимавшиеся палеолитом Я. А. Шер и Л. С. Клейн». Палеолитом я действительно не занимался, поэтому Энтони Маркса я не знал, до этих строк никогда и нигде не упоминал, а узнал о нем мельком только в письме от Формозова и никаких восторгов в ответном письме, естественно, не высказывал. По-моему, Шер тоже. Что поделаешь, обида порою застилает глаза.

8. Формозов как теоретик. На основании изложенного уже можно представить себе, что за фигурой был Формозов в советской археологии. Это был талантливый и эмоциональный исследователь каменного и бронзового веков, первобытной изобразительной деятельности и символики, а также истории археологической науки и отношения общества к материальным древностям. Это очень широкий круг интересов, и ясно, что человек с такими разнообразными интересами не мог их практиковать порознь. Он должен был как-то связывать их и освещать их неким пулом идей. То есть быть в какой-то мере теоретиком. Хотя Формозов всегда утверждал, что он не теоретик, но некий набор теоретических идей у него, несомненно, был. Кроме того, сама история археологической науки в наши дни стала отраслью теоретической археологии.

Одна из излюбленных теоретических концепций Формозова — идея постоянства и долговременности крупных локальных общностей, проходящих как сквозные традиции через много эпох, сохраняя в основном свои границы. Это своеобразное отражение стадиалистской идеи повсеместной автохтонности. Здесь можно было бы видеть и влияние экологической (географической) школы, но объяснения воздействием постоянной географической среды Формозов не выдвигал. Вероятно, почвой для формозовской концепции постоянных культурных очагов была его ностальгия по традиционной, дореволюционной культуре и науке. В советских условиях нежелание записываться в пионеры и комсомол, не говоря уж о партии, избегание упоминаний о классиках марксизма и славословий отцу народов, критика явных пороков советской археологии были сами по себе почти теоретическими положениями.

Его философской базой, несомненно, был не марксизм, а старый позитивизм, мало отличающийся от традиционного для русской археологии XIX века. Приверженность фактам, презрение к поспешным историческим выводам, обработка источников на первом месте, описание и классификация как ведущие виды работ, критика источников как необходимый этап исследования, восстановленное уважение к эмпиризму и вещеведению, симпатия к

вкладам натуралистов в археологию — всё это характеризует его как позитивиста. Это и давало ему основание утверждать, что у него нет никаких теоретических предпочтений, хотя позитивизм — это уже философская концепция, предполагающая соответствующие теории (хотя бы как обобщения фактов).

В его позитивизме была некоторая доля фрондёрства, противостояния марксистскому идеологическому прессу, но это не отменяет сути его концепции. В условиях этого давления и навязывания идеологии принципы эмпиризма, позитивизма и объективизма получали свое оправдание: они позволяли удержать хотя бы часть научной системы в сохранности. В этом сила эмпиризма — главного позитивистского методического принципа.

Слабость позитивистского подхода хорошо видна на работах Формозова по первобытной изобразительной деятельности. Тщательно собрав и отсортировав факты, отлично классифицировав их по видам и по регионам, проведя их критику и предложив датировки, Формозов остановился перед объяснениями, в сущности воздержавшись от самых трудных и важных вопросов. Это очень заметно при сравнении с работами его друга Столяра и его противника Шера. Столяр взял за основу идею, выдвинутую еще Пьеттом о происхождении живописи из скульптуры и разукрасив ее отдельными высказываниями Маркса (не Энтони, а Карла), построил эффектную, по крайней мере для советской России, концепцию эволюции изобразительной деятельности: от «натурального макета» (то, бишь, чучела) к пещерной фреске. Шер разработал методику формального анализа первобытных изображений и, поставив вопрос о причинах совершенства палеолитической пещерной живописи, привлёк для решения психику душевнобольных, создающих похожие натуралистические изображения, также вопрос о разделении функций полушарий мозга и прочие факторы и пришёл к оригинальной концепции, схожей с одновременно разработанными гипотезами Дж. Д. Льюиса-Уильямса из Южной Африки. Читать добротные книги Формозова очень полезно. Читать книги Шера ещё и увлекательно. Книги Формозова — это всё ещё XX век. Книги Шера — XXI.

О характере Формозова писано немало — и восхищённых эпитетов (принципиальный, смелый, педантичный, ответственный, чрезвычайно работающий, любящий сын, хороший друг и т. п.), и злых, хлёстких кличек (сноб, зазнайка, завистник, собакевич, клеветник, неумеха и т. д.). Его лучший друг Столяр (2004: 423) определяет его так: «А. А., по мнению, пожалуй, единомудушному самых разных людей, сложная и нелёгкая личность. Точнее, я бы сказал — тяжёлый человек. Прежде всего, хронически тяжёлый, даже, можно сказать, беспощадный по отношению к себе». Столяр поясняет: не умеет приспособливаться к людям, участвовать в групповой борьбе, рубит с недипломатической прямоотой и порой чрезмерной резкостью, а то и категоричностью. О чём здесь Столяр промолчал, так это о том, что часто резкая критика направлялась на самых маститых, что для самого Столяра было совершенно неприемлемо. И надо бы сказать ещё об одном: слишком часто Формозов оказывался в своих обидах неправ.

К тому же идеальных людей не бывает (или, может быть, такие бывают, но крайне редко). У всех у нас есть достоинства и недостатки. Если видеть только недостатки у людей вокруг, то жить станет невозможно (Об этом же писал в Формозов). Если же опираться на достоинства и по мере возможности устранять недостатки, то окажется, что хорошего в людях очень много (Про это у него, кажется, не сказано). Баланс достоинств и недостатков в людях окружения Формозову было установить чрезвычайно трудно. Вероятно, потому, что он был слишком уверен в своей преимущественной и исключительной близости с культурным наследием страны и очень раним и обидчив.

9. Грозный Судия. Вот человек с такими данными и с такой биографией вступил в борьбу со всей системой позднесоветской и постсоветской археологии.

В конце 1972 г., надеясь на понимание Рыбакова, Формозов обратился к нему с открытой критической «Запиской» о состоянии первобытной археологии в СССР и в их институте. Это было через полтора десятилетия после такого же письма Чайлда. Рыбаков спокойно поставил «Записку» на обсуждение (оно проходило уже в 1973 г.), снисходительно выслушал и удовлетворился общим народным гласом, что всё не так плохо. Письмо было принято за выражение личного недовольства Формозова своим положением.

К 1973 году (ещё в советское время!) уже существовала идея книги «Человек и наука» — появился первый очерк с таким подзаголовком. Последующие очерки появились уже в начале 1990-х, пока ещё порознь в разных журналах.

Когда я опубликовал в 1993 г. свой «Феномен советской археологии», Формозов выступил с рецензией (1995 а), в которой указал на недостаточную критичность моей книги по отношению к деятелям и эпохе советской археологии. Одновременно он опубликовал свою книжечку, скорее брошюру, «Русские археологи до и после революции» (Формозов 1995 б), в которой привёл почти полные данные о репрессированных и расстрелянных археологах, о допросах и пытках, о чистках и проработочных кампаниях, о гибели музеев и памятников. Формозовская картина советской археологии была мрачна и ужасна. На книге обозначен тираж в 1000 экземпляров, но руководство Института позаботилось, чтобы на деле было издано всего 80 штук.

В 2003 г. Формозова уволили на пенсию (но он оставался советником дирекции), а в 2004 он издал уже приемлемым тиражом более полную книгу «Русские археологи в период тоталитаризма» (Формозов 2004 б) и очерки об этике учёных — «Рассказы об учёных» (Формозов 2004 а). Роль независимого историографа позволила ему присвоить себе в глазах многих статус «грозного Судии». В следующем году вышла та самая пробивавшаяся по частям книга «Человек и наука» (Формозов 2005) — вопль души. В этой книге Формозов откровенно и мотивированно высказался об аморальных качествах многих наших учёных — рядовых и (*horribile dictu!*) маститых — об их карьере, угодничестве, кумовстве, начальственном барстве, фальсификациях, плагиате, беспринципности, лживости, корыстности, лени и прочем — обо

всём, что свойственно любой науке, но особенно пышно расцветает в условиях тоталитарного и пост-тоталитарного строя. Он говорил со знанием дела, конкретно, с указанием имён и событий. Задеты не только А.П. Окладников, но и М.М. Герасимов, Т.С. Пассек, О.Н. Бадер, С.Н. Бибииков, А.Д. Крайнов, А.Н. Бернштам, П.И. Борисковский, Я.А. Шер, А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Г.Н. Матюшин и др. Всё это было написано эмоционально и ярко. У него был писательский дар (хотя совершенно не было дара устной речи из-за ужасной дикции — не выговаривал л, вместо р говорил в).

От моего «Феномена» книга отличалась направленностью: я анализировал социальные корни упадка науки, Формозов — этические, с массовым переходом на личности: всем сёстрам по серьгам.

Книга произвела эффект разорвавшейся бомбы. В ближайшем номере «Российской археологии» (2006, 3) появилось сразу пять статей с опровержениями (Формозова обвиняли в «зловонном шельмовании», клевете и оперировании слухами — последнее иногда было верно), но речь могла идти лишь о конкретных ошибках и промахах. Да, они есть, кое-кого Формозов задел сгоряча, к кому-то отнесся предвзято (я хорошо это знаю, потому что и ко мне он относился в разные времена по-разному, в зависимости от сиюминутных обид). Свешникова (2009: 25) заметила, что сетуя на междоусобную борьбу между московскими и ленинградскими археологами за доминирование, Формозов всё же выступает активным сторонником московской группы: он высокомерен по отношению к провинциалам, обличает ленинградцев, но гораздо более снисходителен к москвичам (хотя и их поругивает).

Но общая картина, обрисованная Формозовым, к сожалению, верна. Все понимают, что в целом это так. Ведь читатели не с Марса.

Вскоре восьмидесятилетний возмутитель спокойствия умер (2009). Большинство сотрудников Института археологии, в котором он проработал полвека, не явилось на его похороны. Но вышли два сборника в его честь, готовится третий. Книги его читают, читают, читают...

Литература

Кореняко В.А. 2004. Этические проблемы и кризисные явления в археологии // Проблемы первобытной археологии Евразии. К 75-летию А. А. Формозова. М., Институт археологии РАН: 36–47.

Кузьмина Е.Е. 2008. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе, ПринтА.

Савинов Д.Г. 2006. О «юбилейных» книгах А.А. Формозова // Российская археология. 3: 169–173.

Свешникова О.С. 2009. Советские археологи в поисках первобытной истории: Историческая интерпретация археологических источников в советской археологии 1930-х – 1950-х гг. Омск, изд. Омского университета.

Столяр А.Д. 2004. Мой друг Александр Александрович Формозов // Невский археолого-этнографический сборник. К 75-летию кандидата истори-

ческих наук А. А. Формозова. СПб., изд. С.-Петербургского университета: 417–453.

Столяр А.Д. 2010. Светлой памяти друга — Александра Александровича Формозова // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова. М., Гриф и К.

Формозов А. А. 2004 а. Рассказы об ученых. Курск, Курский гос. мед. университет.

Формозов А. А. 2004 б. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., Знак.

Формозов А.А. 2005. Человек и наука. Из записей археолога. М., Знак.

Шер Я.А. 2006. Археология изнутри. Научно-популярные очерки. Кемерово, изд. Кемеровского университета.

2010 г.

С.П. Щавелёв

Классик и диссидент российской археологии.

А.А. Формозов.

(Замечания на очерк Л.С. Клейна

«La bête noire советской археологии»)

«Звучал с небывалой силой
Лозунг её простой:

«За свободу Франции милой!
Кто любит меня — за мной!»»

В. Солоухин.
Лозунги Жанны Д'Арк.

Как и всё, что пишет Лев Самуилович Клейн по истории археологии, его социально-психологический портрет А.А. Формозова вышел увлекательным и познавательным, особенно для провинциальных и молодых археологов и вообще гуманитариев, с Александром Александровичем лично не сталкивавшихся. Однако те, кто его близко знал, заметят в этом тексте ряд шероховатостей и пробелов. Обращая на них внимание автора и будущих читателей, я заранее признаю, что даже и без таких поправок очерк готов к публикации и нуждается в ней. По большому счёту, перед нами текст, исполненный научной глубины, правдивости и дружеской симпатии к нашему герою. А такое сочетание в нашей историографии большая редкость.

Предлагаемые мной поправки и добавки будут выделены **жирным шрифтом**. Я высказываю их более или менее по ходу клейновского очерка. Мелкие уточнения, с которыми автор согласился, я сейчас снял. *Исходный текст* обозреваемого очерка внутри моего отзыва приводится *курсивом*.

А вот почему я сразу написал свой отзыв — изначально личное письмо к автору, но именуя его в третьем лице, то есть как официальную рецензию — бог весть. «...Не написал — / случилось так» (А.А. Вознесенский). Наверное, было предчувствие «по Фрейду» продолжения совместной работы над этой темой. А то и подсознательно рассчитывал на публикацию, с которой Лев Самуилович любезно согласился.

Итак, вот что мне показалось необходимым поправить в увлекательном варианте интеллектуальной биографии моего наставника по истории науки.

По нескольким глагольным оборотам видно, что очерк заготовливался автором тогда, когда А.А. был ещё жив. Теперь соответствующие пассажи лучше перевести в прошедшее время. «...*Этот эпитет не подходил к Формозову...*», хотя бы в нынешнем нашем понимании.

Ближайшие «предки — священнослужители в Поволжье». А.А. всегда подчеркивал свою разночинную и даже провинциальную генеалогию (что немаловажно для оценки дальнейших упоминаний о его принадлежности «к сливкам русской интеллигенции», «рафинированным москвичам» и т.п.). Некий снобизм, у А.А., конечно, чувствовался, особенно на письме, гораздо меньше при личном общении, но степень интеллигентского высокомерия Формозова у Л.С. Клейна кажется мне преувеличенной; может быть, подпитанной неизбывным комплексом принижения евреев в России и в СССР. Те, у кого комплексов при живом общении было меньше, не чувствовали отчуждения. Например, Игорь Львович Тихонов при встрече мог броситься к нему с восторженным кличем: «Сан Саныч! Дорогой!» и т.д. в этом роде. И пом-

рачевший на восьмом десятке лет Формозов в ответ улыбался, как в молодости... Конечно, если перед ним человек был хороший.

Здесь стоит учесть не столько личностно-формозовский, сколько социокультурный, общественно-исторический фон суждений и оценок относительно тех или иных лиц и ситуаций. А.А. Формозов отнюдь не случайно, далеко не только субъективно-пристрастно разделял знакомых ему коллег, современников и даже предшественников (с которыми знакомился по документам их личных архивов и воспоминаниям современников) на «чистых» и «нечистых». На малокультурных, серых, невежественных, с одной стороны, — и на высокообразованных, рафинированно-культурных, с другой. Нет, делил вовсе не волонтарно — здесь был вполне объективный критерий — кто и как воспользовался теми возможностями для воспитания и особенно образования, которые предоставило ему время. А.А. Формозов неоднократно отмечал падение общего уровня гуманитарного образования после революции. Эмиграция лучшей части профессуры, рабфаки, чистки университетов от «чуждых» кадров, выдвижение классово правильных, партийных бездарей и т.д., и т.п. Всё это не могло не понизить общий уровень подготовки в высшей школе, особенно в провинции. Ну, не любил А.А. захолустные пединституты за это (Хотя во многих из них укрылись и гонимые корифеи вроде М.М. Бахтина или Н.Я. Новомбергского, И.И. Полосина или Е.В. Тарле).

Хотя и в советских условиях кто-то умудрялся получить великолепную подготовку, но многие, увы, консервировались в своём бескультурье. Кто-то творил, а кто-то, что называется, «небо коптил». Крестьянский говорок, на всю жизнь сохранённый Иваном Ивановичем Ляпушкиным, ни в какой мере не мешал Формозову с восторгом отмечать колоссальный объём его экспедиционных работ и великолепные интуиции относительно этногенеза. Те же крестьянские повадки у А.Н. Рогачёва (выговаривавшего «лабалатория» и т.п.), в свою очередь отмеченные Формозовым, ничуть не затеняют его славу лучшего знатока Костёнок, спасителя археологического Авдеева и прочие научные заслуги, со всей откровенностью провозглашённые тем же Формозовым. Относительно Рогачева он подчёркивал влияние фронтового опыта на полевую зоркость разведчика стоянок, не имеющих признаков на дневной поверхности. Напротив, изысканные манеры и лощёный внешний облик Т.С. Пассек подчеркнуты Формозовым наряду с её отличными научными работами — при некоторых недостатках её поведения в общественно-политических коллизиях сложного времени. Так что включать Т.С. Пассек в список осужденных А.А. Формозовым не стоит — он единственный написал о Татьяне Сергеевне большую историографическую статью и неоднократно нахваливал её же в других своих работах.

Сложнее оценить обвинения в малокультурности, высказанные им же применительно к явно заслуженным своими разведками, раскопками и вещевыми сводами археологам, вроде Т.Н. Никольской, А.Ф. Медведева, П.И. Засурцева и некоторым другим. Может, они и не блистали аристократизмом в быту, но сделали немало полезного именно в науке. Это Формозову стоило

оговорить. Перед нами отнюдь не лидеры-новаторы, но, судя по их коллекциям и публикациям, добросовестные рядовые археологической рати. Причём трудились они в тяжёлых послевоенных условиях, когда держателей открытых листов на весь СССР было раз, два и обчёлся. Но Формозов сам подчёркивал, что излагает не достижения, а недостатки и опасности науки. Если посмотреть с этой точки зрения, то ограниченный кругозор, даже лёгкая безграмотность у кандидатов и особенно докторов наук вряд ли терпимы. В том же ряду негативных явлений у него стоят и прекрасно воспитанные и хорошо образованные, но, с его точки зрения, творчески ограниченные, малоплодотворные в науке лица (вроде рафинированной петербурженки, танцовщицы и археолога Камиллы Васильевны Тревер, между прочим, члена-корреспондента АН СССР на протяжении 30 лет).

То, что у Формозова есть и признания необходимости, полезности для науки самых разных её представителей, наверное, не отменяют желательности конкретизировать этот общий тезис применительно ко всем тем учёным, кого он печатно обвинил в «серости».

Ещё труднее многим привыкнуть к бело-чёрным тонам, в которых выполнены формозовские портреты наших отдалённых предшественников. Самый яркий пример — И.Е. Забелин. Именно Формозов подготовил первую его научную биографию и дважды издал её. Отдавая должное достижениям Ивана Егоровича на раскопках и в музее, Александр Александрович не преминул подчеркнуть в послесловии, что этот персонаж ему как личность не симпатичен. Выходец из нищей среды, своими историческими трудами приближенный к царскому двору. Учившийся на медные деньги, а то и даром, — и накопивший в итоге жизни миллионы тех ещё рублей. Раскопавший выдающиеся древности — и бросивший раскопки в цветущем возрасте. Русский патриот, не владевший иностранными языками и не бывавший за границей. Как видно, всё тут бросает вызов формозовскому интеллигентскому демократизму. Вот когда о том же Забелине повторно зачем-то написал карьерный историк, выходец из спецслужб А.Н. Сахаров, ему всё в персонаже понравилось. Оба — и обер-историограф, и его герой — ура-патриоты. А у Формозова был свой патриотизм. Читатели могут выбирать. Как замечательно сказал Л.С. Клейн, ведь они же не с Марса!

Так что огульности, предвзятости личностных оценок у Формозова нет и в помине. А есть оценочная честность, даже резкость, которая не понята и не принята ни раньше, ни сейчас в академической среде.

Наконец, не забудем и тот формозовский тезис, согласно которому внешняя культура и внутренняя этика учёного, особенно гуманитария, так или иначе влияют на ход и результаты его исследований. В этом смысле немало накопившие и даже систематизировавшие факты археологи могли бы, будь они покультурнее, подняться до нужных обобщений?.. Так бы я предположил относительно претензий Формозова к ним. Впрочем, историография тоже не терпит сослагательного наклонения.

Вернёмся же к частным моментам биографического очерка Л.С. Клейна.

К цитате из Кузьминой стоит добавить про В.Д. Берестова, который прежде чем стать детским поэтом, немало поработал археологом в той же Средней Азии и, кстати, написал об этом книжки, интересные не только детям, но и взрослым читателям. Так что Берестов по праву бродил Москвой вместе с будущими корифеями советской археологии. Впрочем, ведь книжка, из которой взят очерк о Формозове, у Л.С. Клейна большая, так что и про Берестова можно уточнить в другом её месте.

Вплоть *«до вынужденного дирекцией ухода на пенсию»*. Тут любопытная психологическая деталь. В только что изданном сборнике памяти Формозова есть интересные воспоминания Столяра. Тот, в частности, вспоминает, что его друг из-за периодических конфликтов с начальством неоднократно *«подумывал о расставании с Институтом»*⁴. Но вот когда ему действительно предложили уйти из-за очередного сокращения штатов в Академии, А.А. обиделся. Мне он сказал об этом так: *«Могли бы и на полставки оставить»*. Дело тут, во-первых, в финансовых затруднениях: пенсия мала, лекарства и провизия дороги, но не только. Во-вторых, и, наверное, в главных, А.А. всегда и до конца своих дней нуждался в общении с коллегами. Не со всеми, но со многими; даже хоть с кем-то. Не случайно о личных беседах с ним вспоминают многие десятки археологов и прочих гуманитариев разных поколений. За штатом Института этот круг общения у него волей-неволей подсократился. С другой стороны, уйдя за штат, он заметно снизил себе градус нервозности — стал чувствовать себя гораздо спокойнее, лучше спать, вообще поздоровел на целый ряд лет, вплоть до смертельного обострения болезни. Об этом улучшении состояния его здоровья после ухода со службы мне говорили и он сам, и его супруга Марианна Казимировна Трофимова.

Ниже в очерке упоминается, что А.А. на пенсии был оставлен *«советником при дирекции»*. Это выдумка сначала возникла в Интернете, на сайте А.А. Сорокина, где собраны его стихи к юбилеям и эпиграммы на археологов. Будучи доброжелателем Александра Александровича, он в биографической справке указал: *«С 2004 г. — советник ИА РАН»*⁵. Желая, видимо, отметить, что связи с институтом этот пенсионер не потерял. Потом эту ошибку повторил (добавив слово *«дирекция»*) Шер уже в антиформозовской статье в *«Российской археологии»*. Сейчас пора её исправить. Уход Формозова со службы не был добровольным и благостным актом. Сам А.А. писал на сей счет так: *«И уж совсем нелепо спорить с заявлением Шера о том, будто бы я на своем сайте в Интернете называю себя советником директора Института*

⁴ *Столяр А.Д.* Светлой памяти друга — Александра Александровича Формозова // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова. М., 2010. С. 26.

⁵ См.: Археология РУ. Археологический фольклор. В честь 75-летия А.А. Формозова // <http://folklore.archaeology.ru/Sorokin/formozow.html>

археологии. Самозванцем никогда не был. Ни компьютера, ни Интернета, ни сайта у меня нет»⁶.

Кстати сказать, без собственного согласия и заслуженного почтения, накануне неотмеченных сотрудниками юбилеев, «ушли» из Института некоторых других ветеранов нашей археологии (например, Светлану Александровну Плетнёву, чьи итоговые труды издали не в Москве, а в Воронеже). Зато некрологи публикуют исправно. «Они любить умеют только мёртвых...», процитировал бы, может быть, тут А.А.

Про диссертации А.А. точнее написать так: *«Защитил только кандидатскую диссертацию, а докторскую ему защитить то ли не дали, то ли сам не пожелал. Скорее всего, сказалось и то, и другое».*

«Выражение *«похвалялся» (своей демократичностью)*» резковато и не совсем справедливо. У А.А. же вообще было «смирение паче гордости», открыто он никогда и ничем не похвалялся. В поздних своих книгах парутройку раз высказывался в том духе, что, дескать, кое-что полезное в науке сделал... Точнее тут будет сказать: «демонстрировал», «обнаруживал» или как-то ещё.

Всех ли коллег обидел А.А., со всеми ли рассорился? Тут определённое преувеличение. Как уже было мной сказано, задел многих, но далеко не всех. И задевал-то по-разному. О той же Пассек писал неоднократно исключительно для себя уважительно, даже тепло, но как-то и обронил нечто осудительное, но мелкое, далеко не столь серьёзное, как по адресу Окладникова и его окружения. Дескать, воздержалась дама вступить за кого-то из несправедливо гонимых коллег. Седов, Каменецкий, Гуляев, Беляев, Мунчаев, Столяр, Клейн, кое-кто еще из «стариков» сохранили с ним приятельские отношения до конца. Кто-то из упомянутых москвичей был на его похоронах, кто-то дал статьи в сборник его памяти «Человек и древности». Обиделись те, кого он прямо задел в печати.

Во-первых, начальники, которых он обвинял в самоуправстве, своекорыстии, кумовстве. Разве обвинения несправедливы? Разве тот же академик Рыбаков не был самодуром и националистом? А главное, разве рыбаковские томы (после «Ремесла Древней Руси») не содержали массы фантастических допущений (помимо действительно интересных гипотез)? Примеры того, «как часто нами правят суки» (А.Н. Сорокин), нетрудно умножить любому из нас.

Во-вторых, бездари и обманщики в науке, вроде Г.Н. Матюшина. Разве эти обвинения не доказаны? Да я сам, ещё не зная Формозова ни лично, ни по публикациям, по собственной инициативе разоблачил плагиат у Матюшина (из Борисковского), и моё разоблачение опубликовало «Книжное обозрение»⁷.

⁶ Формозов А.А. Статьи разных лет. Курск, 2008. С. 67.

⁷ См.: Щавелев С.П. По законам ли жанра? [Рец. на кн.: Матюшин Г.Н. У истоков человечества. М., 1982] // Книжное обозрение. 1982. № 28. С. 6. Ответ редакции издательства «Мысль»: Воронин А. «По законам ли жанра» // Там же. 1982. № 40. С. 6.

В-третьих, исследователи в общем талантливые, но изменившие своему призванию. Своего рода «дезертиры от науки». Скажем, палеолитчик Г.П. Григорьев, отмечал А.А., всю жизнь копает курское Авдеево, а сводной монографии по этому уникальному памятнику так и не издал. И вряд ли подготовит. Ну, промолчим, обойдёмся без Авдеева, общего плана его полувековых раскопок в картине европейского граветта. И лишний раз вспомним Формозова, не такого склонного к компромиссам, как мы сами.

Сложнее с четвёртой категорией обиженных Формозовым. Это те — и довольно многие археологи, чьи заслуги он признавал, ценил и хвалил печатно, отмечая, вместе с тем их же недостатки. Допустим, Ефименко был заносчив, а Рогачев так и не избавился от крестьянского диалекта. А что, это неправда? Разве в археологической, да и любой другой гуманитарной среде нет некультурных людей? Да оглянитесь вокруг. Стоит ли об этом говорить печатно? Каждый пусть решает для себя (как говорится, «в меру своей испорченности»).

Так что выражение «*подвергся остракизму*» нужно уточнить — **со стороны определённых кругов в археологической науке**. Уже после скандала с выходом его последних книг с ним как ни в чем ни бывало поддерживало самые тёплые отношения множество археологов, почти всё среднее поколение. Ему звонили, к нему приезжали домой не только десятка три историков археологии, но и многие археологи-практики, историографию вообще игнорирующие. Хотя и был А.А. к тому времени своего рода пугалом российской археологии, но далеко не для всех ее представителей. Большинство коллег с ним охотно общалось, а другая часть заинтересованно следила за его выступлениями. Закрывались в общении, обозлялись только прямо задетые им руководители — В.Л. Янин, например. Даже неоднократно разруганный им А.Д. Пряхин из Воронежа, возмущаясь формозовскими нападками на себя и на своих покровителей, всегда отдавал должное его публикациям и много из них черпал.

Неполная изоляция доказана и тем, как относительно многолюдно было на его похоронах (в суровом январе) — и заместитель директора Института П.Г. Гайдуков, и бывший директор Р.М. Мунчаев, и совсем не связанные с ним научной тематикой А.А. Сорокин, А.В. Кашкин, и многие другие. Частичный характер остракизма подчёркивают и три выпущенные в его честь сборника — два прижизненных (московский ⁸ и петербургский ⁹) и один (пока) посмертный ¹⁰. Там представлены авторы не только из обеих столиц, но и со всей страны. Объём последнего сборника достигает 115 авторских листов. Где ж это видано в меморативной практике! Пусть качество статей очень

⁸ См.: Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А. Формозова). Сб. статей / Ред. и сост. В.И. Гуляев, С.В. Кузьминых. М., 2004. 260 с., илл.

⁹ См.: Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию ... А.А. Формозова / Отв. ред. А.Д. Столяр. СПб., 2003. 460 с., илл.

¹⁰ Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., Гриф и К., 2010. 918 с.

разное, но душевный порыв десятков специалистов налицо. Повторяю, что среди них не только «современная молодежь», да и не столько — преобладают люди от 40 до 60.

Между прочим, это и есть ученики Формозов, только в широком, но и более прочном смысле слова — идейном, методологическом, а не просто организационно-формальном. Ведь и у Льва Самуиловича Клейна среди сонма «учеников» есть все эти же категории — и слушатели лекций, и соавторы, и «ученики учеников», «научные внуки». А сколько среди клейновских «учеников» его официальных курсовиков, дипломников (аспирантов, видимо, не давали)? Раз, два и обчёлся. А учеников — легион. Практически все, кто учился на историческом факультете и даже приезжал в его экспедиции в бытность его преподавателем ЛГУ / СПбГУ. Так что не будем в казённом духе зауживать понятие «ученик». Напишем «*официальных* учеников не оставил». Ведь отмечается же в том же очерке, что «в работах молодых исследователей неизменно отправной позицией является опора на Формозова»; «современная молодёжь на него молится»; «книги его читают, читают, читают...». Это же и есть школа в собственном смысле этого науковедческого понятия. Даже не пресловутый «невидимый колледж», потому что большая часть этих «молодых исследователей» общалась весьма плотно и с А.А., и между собой (на конференциях, в Интернете, в коллективных трудах). Как говаривал В.В. Маяковский, а вы заходите в 2018 году — поговорим. Ведь тогда непременно выйдет в свет сборник в честь 90-летия А.А. Формозова. И тоже листов под 200 печатных... Всё это к вопросу об остракизме, которому якобы подвергся А.А. под конец жизни.

Отец Сашу «не брал в дальние экспедиции». Слово «дальние» — лишнее. На подмосковные биостанции отец его тоже не брал. Только в 1940 г. в близкую экспедицию взял же. Дело не в расстоянии, а в характерах отца и сына. С матерью подросток Саша Формозов ездил чёрти куда ещё подростком.

Относительно учителей. В своей завещательной книге «Человек и наука» А.А. перечисляет семерых своих учителей в археологии и отмечает вполне конкретно, что каждый из них ему дал. «... Больше всего я обязан семи людям: М.В. Воеводскому и О.А. Граковой, давшим мне первые представления о памятниках каменного и бронзового века; М.Е. Фосс, С.В. Киселёву, Г.Ф. Дебецу, А.В. Арциховскому и особенно С.Н. Замятнину, с которыми мне посчастливилось много говорить о путях нашей науки, её месте в духовной жизни»¹¹ Выделение Замятнина как самого нужного, определяющего при становлении молодого специалиста Формозова им на старости лет в свою очередь обосновано.

Относительно главного, пожалуй, полевого открытия А.А. Формозова — «неандертальского мальчика». В последних отзывах специалистов о по-

¹¹ Формозов А.А. Человек и наука. Из записей археолога. М., 2005. С.162–163.

гребении в Староселье покойник признаётся представителем Homo Sapiens Sapiens с неандерталоидными чертами¹².

В очерке А.А. несколько раз упрекается в использовании знакомств его родителей и потом его самого как москвича, сотрудника головного научного учреждения в отрасли, то есть «блате». Понятия знакомства и блата, если вдуматься, неравнозначны. Тут, похоже, нота обиды автора, которому и знакомств, и блата всю жизнь недоставало; приходилось самостоятельно прокладывать себе путь, теряя даром годы и годы. Можно только поражаться фантастической стойкости Льва Самуиловича, который на каждом отрезке своей биографии преодолевал такие препоны, которые «обламывали» очень многих. Но и Льву Самуиловичу тоже помогали, правда, не все, не всегда. Но это скорее исключение из правил научной жизни. Почти всех в будущем великих ученых в науку кто-то привел за руку. Гимназист Шахматов взял, да и выступил на диспуте по чьей-то диссертации. Мальчика оценили, стали приглашать на заседания Общества ревнителей российской словесности при Императорском Московском университете. Это блат? Потом к академику Шахматову пришел студент Романов с рукописью своей первой статьи — по «Русской правде». Академик-секретарь тут же её прочел и подписал в печать. Это знакомство? Так что вешать на Формозова ярлык «блатного» кандидата в аспиранты и научные сотрудники неточно. «Блатные» это те, кто проташен покровителем на службу, а ей не соответствуют по своим способностям. К тому же сочувствие и помощь со стороны одних коллег уживалась с завистью к «сыну профессора» со стороны других, что детально показано в этом самом очерке Льва Самуиловича.

«Решил сменить» Крым на Кавказ. Как явствует из предыдущего и последующего текста очерка и из воспоминаний самого А.А. — его **вынудили сменить**.

«Привязанным к уходу за матерью оказался и Формозов» Стоит добавить: **«Та, фатально поломав ногу, отвергала уход любых других сидельцев, кроме сына»**. Чтобы картина «привязки» была яснее.

Навязчиво повторно, уже без вариантов насчет «знакомства», повторяется про «наследственный блат», который якобы всю жизнь защищал Формозова. Тут подспудно я вижу интересную, спорную, но чаще всего табуируемую тему дискриминации евреев в СССР. Не случайно «космополитизм» именовался «безродным». Но отсутствие влиятельной родни в сферах, почищенных репрессиями, сплошь и рядом компенсировалось этнической солидарностью. В наши дни это заметно у кавказских и прочих инородческих диаспор в столицах России. А русских слишком много, чтобы они объединялись в экстазе. В очерке получается, что без блата и Клейн, и Шер стали докторами, получили право выезда за границу, а русак Формозов нет, не совсем сам попал в профессию, а как бы по знакомству. И тот, и другой нашли спон-

¹² См.: Смирнов Ю.А. Вновь о неандертальских погребениях Европы // Человек и древности... С. 123.

соров для своих многочисленных книг, а Формозов издавал свои последние — заветные, завещательные книги за свой пенсионный счёт. Может, у евреев свой бла́т? Который расцвёл пышным цветом в условиях постсоветской либерализации нашей общественной жизни. Отчасти это на пользу делу (науке — перестали зажимать талантливых людей по «пятой графе»), отчасти во вред (блокировка «не своих»).

Насчёт формозовских публичных обвинений людям, некоторые из которых находились в «шатком положении», А.А. и сам всё время сомневался и откровенно писал об этом в своих книгах. Стоит ли задевать такого-то или того-то, несмотря на их явные прегрешения. В моих собственных писаниях он неоднократно смягчал и опускал некоторые, чересчур личностные формулировки. Объяснял так: «Нам с вами это неприятно, но к делу отношения не имеет...».

В «Заключении» своей книжки «Рассказы об учёных» А.А. приводит потрясший его в молодости пример. После кончины в 1951 г. знаменитого арабиста академика И.Ю. Крачковского, Саше Формозову в Ленинграде рассказали такую историю. На защите молодого способного арабиста, потерявшего на фронте зрение, Крачковский выступил с заявлением о том, что работа слабая, он будет голосовать против и другим это советует. Формозов задумался над мотивами такого поступка маститого учёного. «Крачковскому легко было бы опустить чёрный шар молча или не придти на заседание. Почему же он предпочёл выступить, заранее предугадывая реакцию аудитории? Он воспользовался диспутом для того, чтобы напомнить собравшимся часто забываемую нами истину: наука, настоящая большая Наука выше личности, и требования её должны быть едины для всех. Решительно ничто не даёт права на скидки — ни то, что ты стар; ни то, что ты узбек; ни то, что ты высокопоставленный чиновник; ни то, что ты герой и инвалид войны. Когда актёр выходит на сцену, у него, может быть, умирает мать; его только что бросила жена, а директор театра предупредил об увольнении. Но публике нет до всего этого дела. ... Это его частное дело. То же и здесь»¹³.

Понявши мотивы старшего коллеги и солидаризовавшись с ним, Формозов, уже будучи старше тогдашнего Крачковского, признаётся: «Строгость и требовательность Крачковского мне близки и понятны, и, тем не менее, я не смог бы ни выступить, как он, ни голосовать против. ... Я бы ещё поколебался, если бы обсуждалось — издавать или не издавать написанную им книгу. Но диссертация, учёная степень... Это ведь вопрос зарплаты, куска хлеба, не более. Нет, моя рука не поднялась бы не только на слепого ориенталиста, но и на малоприятного мне черносотенца Михаила Найдёнова с истфака МГУ (студенческое прозвище — «Власть тьмы»). Что ни говори, эти люди отдали своё здоровье за нас, и мы перед ними в долгу»¹⁴.

¹³ Формозов А.А. Рассказы об учёных. Курск, 2004. С. 107–108.

¹⁴ Там же. С. 108.

При публикации этой работы А.А. Формозова, я счёл возможным дать такую справку, и А.А. её принял: «Михаил Емельянович Найдёнов (р. в 1918 г.) — доктор исто-

Так что не был Александр Александрович таким уж фанатичным критиком, каким он представляется в паре мест очерка Л.С. Клейна.

Соответствующие эпизоды истории науки, надо сознаться, не более чем частные случаи утвердившегося в нашем обществе служебного, гражданского этикета. Говорят за глаза, а порой и в глаза друг другу и враг врагу всю правду, но писать об этом нельзя. «Как бы чегоневышлистенки» — так, кажется, писал про это Евтушенко.

Ещё маленький пример. Я рецензировал для «Российской археологии» книгу омского археолога А. Жука о В.А. Городцове¹⁵. процитировал объяснение автора, что в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея его не допустили к фонду Городцова «в самой невежливой форме». При публикации рецензии этот пассаж сняли. Слишком личное будто бы. Сотрудницы ОПИ могут обидеться. А ведь они в данном случае — прямые вредительницы, мешают исследователям работать с документами. А ведь и мне г-жа Н.Б. Стрижова, заведующая читальным залом ОПИ ГИМ упорно не выдавала переписку Самоквасова, утверждая, будто её у них нет. Только случайно, в её выходной мне вынесла эти дела молоденькая практикантка. Это что, наше личное с Жуком дело? Частный случай? Конечно, нет, и именно про это думал Формозов, клеймя Шера и т.п. слишком оборотистых коллег.

Аргумент Л.С. Клейна насчет «элементарного выживания» в науке, с одной, житейской стороны убеждает (все мы в таком положении!), а с другой — по большому, формозовскому счёту — нет. Почему выживать, искать работу, кормить детей и т.п. нужно именно за счёт науки? Шёл бы тот же Шер или кто угодно другой в экспедиторы или другие хозяйственники... Туда, где «выживание» не столь прямо сказывается на содержании профессиональных занятий.

Аргументация Шера относительно сибирских центров науки воспроизведена, а формозовская опущена. Между тем и А.А., пусть сквозь зубы, признавал организационные свершения Окладникова, охватившие новые просторы Евразии археологическим вниманием. Но Формозов отмечал и негатив: разрыв научных связей (мало кто теперь присылает из провинции в московский Институт авторефераты, монографии (В СССР был закон обратного действия — о рассылке всех вышедших книг по субъектам Федерации через центральный коллектор научных библиотек, но эта практика в Перестройку канула в лету). Вместо узких специалистов в рецензенты и оппоненты приглашают удобных знакомых — и Формозов иллюстрирует это на примере

рических наук, профессор исторического факультета МГУ, лауреат Ломоносовской премии. В августе 1941 г., воюя на фронте в звании политрука батальона, был ранен, в результате чего ослеп, но вывел своё подразделение из окружения (Орден Ленина, 1941)».

¹⁵ См.: Щавелев С.П. [Рец на кн.:] А.В. Жук. Василий Алексеевич Городцев в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. Омск.: Изд-во ОмГУ, 2005. 536 с. // Российская археология. 2009. № 1. С. 184–185.

Окладникова и его окружения. Разве это не так? Конечно, не только этот академик этим грешил, но ведь и он в большой степени.

Насчёт положения дореволюционной археологии между историей и этнографией. Палеоэтнологическая школа — не единственная представительница археологии до и после революции. Медленно, но верно вызревало и историческое направление, которое в итоге победило (с присвоением естественнонаучных трофеев соперников). Разве корифеи из ряда Уварова, Самоквасова, Спицына, Городцова и многих т.п. этнологизировали археологию? Отчасти. В ещё больше степени они её историзировали. Уваров искал в курганах летописных мерян, а своих учеников разослал разведывать поречья, маркированные «Повестью временных лет» как места обитания восточнославянских объединений. Самоквасов подыскивал археологические памятники для всех народов, упоминавшихся в письменных источниках применительно к Восточной Европе начиная с поздней античности. Киммерийцы, скифы, сарматы, гунны, славяне, хазары, следующие кочевники. Другое дело, что далеко не все его гипотезы подтвердились. Спицын совместил археологическую карту с этнонимией нашей начальной летописи. Городцов выделил археологические корреляты расселения индоевропейцев. Всё это в первую очередь — история, а потом уже этнология.

Формозов отмечал оба течения. Ему одинаково дороги и Жуков, и Арциховский.

«Работы» об Уварове и об Ефименко. Это статьи и в списке литературы к очерку их нет. Читатель будет запутан. А ведь такие же по объёму статьи А.А. успел опубликовать про Милюкова, Киселева, Фосс, Равдоникаса, Пассек, Цалкина, Воронина (См. формозовскую библиографию, в том числе в курском издании его «Статей разных лет»). В разбираемом очерке пропущено и два издания его книги об исследователях древностей Московского края, а также улучшенное переиздание его книги о Пушкине. Короче, я бы пополнил библиографию к очерку.

«Формозов как теоретик». Этот раздел вышел аморфным — в нём спутаны понятия. Прежде всего — теории и методологии. Теория, как известно, описывает и объясняет объект. А методология следит за работой субъекта и обобщает его опыт познания и действия. Одно дело идея (однаединственная) локальных культур в палеолитоведении. Это идея теоретическая, относящаяся к предмету изучения. К историографии археологии, к которой вскоре переходит автор биографического очерка, она отношения не имеет. Далее говорится о позитивистской установке Формозова. Это основа методологии его мышления. Причём далеко не только его, но и абсолютного большинства российских археологов. По крайней мере, в той интерпретации позитивизма, что приводится Львом Самуиловичем в его очерке. Теорию они молчаливо игнорируют. Например, замечательную книгу Л.С. Клейна «Археологические источники» прочитал в московском Институте археологии, по моим наблюдениям, один только Андрей («Стива») Михайлович Обломский.

Насколько это обогатило его поразительные штудии по раннеславянской археологии надо бы поинтересоваться у Стивы.

Короче говоря, люди предпочитают работать по специальности. А не говорить о работе. Точно так же Формозов несколько раз писал, что всякие модные словечки вроде парадигмы, консеквенции и т.п. ничего не дают археологам. Это по части Шера иже с ним. А что, разве не так?

Перед нами часть общей проблемы «Философия и наука». В мою бытность аспирантом философского факультета ЛГУ профессор соседней кафедры философии для естественных факультетов Валерий Павлович Бранский хвастался, что по его монографии «Синтез релятивистских и квантовых принципов» было сделано физическое открытие... «Гнал», конечно. Никто из советских физиков и не слыхивал ни про какого Бранского. Евреи, как известно, вообще склонны к теоретизации. Достаточно вспомнить Маркса и многих, многих других. Основатель социологии науки в США Роберт Кинг Мертон по паспорту Школьник. Причем я лично высоко ценю наклонность к теории, живо интересуюсь всеми этими штудиями и по роду службы, и вообще. Только к соответствующим наукам они прямого отношения не имеют. В своё время Лаппо-Данилевский заставлял всех студентов-историков Петроградского университета слушать свой спецкурс по неокантианству. Они покорно ходили, но в мемуарах плевались, отрецивались. Вердикт их был такой: «Заниматься методологией всё равно, что доить козла»... Поэтому зачисляя Формозова в теоретики, мы в чём-то упрощаем его образ. Тем более сложно связывать его «теоретические» установки с особенностями его характера, попытка чего предпринимается в очерке.

«О характере Формозова писано немало». «Писано» на самом деле мало, больше сказано. За глаза, в кулуарах.

«Грозный Судия». У Лермонтова судия, кажется, с маленькой буквы. Тем более тут не стоит ставить заглавную, чтобы не демонизировать излишне образ А.А.

Наконец, выскажусь **о библиографии**. В трудах Л.С. Клейна она обычно откалибрована, но в данном случае есть прорехи, связанные с проблемами комплектования наших библиотек, даже центральных академической литературой.

В конце очерка стоит добавить, что ответить критикам из «Российской археологии» на страницах того же органа Формозову **не дали**. Его ответ был подготовлен, но заранее отвергнут руководством журнала. Ответ этот был опубликован в Курске: К спорам о моих публикациях 2004–2005 годов // *Формозов А.А.* Статьи разных лет. Курск, 2008.

Не примите за тщеславие, но я действительно горжусь тем, что когда А.А. перестали печатать у себя в Институте, мне удалось выпустить несколько его работ в Курске. Эти книжки, конечно, много скромнее по тиражу (150, 300 экз.) и полиграфии, чем те, которые он потом выпустил за свой счёт в Москве, но они заполнили паузу, позволили ему высказаться публично. Курские издания были разосланы во все крупные библиотеки страны и розданы

десяткам специалистов, так что были услышаны. Ещё больше их электронных копий ушло по интернет-адресам и было выложено на ряде электронных ресурсов для всеобщего сведения. Поэтому я бы дополнил ими библиографию к очерку. В ней фигурируют только:

- *Формозов А.А.* «Рассказы об учёных» (Курск, Курский государственный медицинский университет, 2004. 124 с., илл.).

А ведь были и такие:

- *Формозов А.А.* Историография русской археологии на рубеже XX–XXI веков (Обзор книг, вышедших в 1997–2003 гг.). Курск, Курский государственный университет, 2004. 68 с., илл.

- *Формозов А.А.* Статьи разных лет. Курск, Курский государственный медицинский университет, 2008. 132 с., илл.

К ним примыкает моя брошюра:

- *Щавелев С.П.* Новые книги А.А. Формозова по истории и теории русской археологии (2004–2005 гг.). Курск, Курский государственный медицинский университет, 2006. 19 с.

В этом издании я пытался в меру сил отвести обвинения, предъявленные А.А. в «Российской археологии». И не только я выступил тогда на защиту А.А. Писатель Пётр Алешковский (сам в прошлом археолог и сын известного археолога) в самой официозной «Российской газете» написал, что перед нами «высокопорядочное чтение». В сборнике РГАДА «Архив русской истории» (М., 2007) большую статью в том же апологетическом духе поместила известный историк А.Л. Хорошкевич. В популярной среди остатков нашей интеллигенции «Новой газете» взяла Формозова под защиту не менее известная М.О. Чудакова. Молодёжь (студенты, аспиранты, мнс-ы) восторгалась в Интернете формозовскими книжками об ученых и науке (Подборку этих отзывов я привел в своём послесловии к курскому изданию «Статей разных лет» А.А.).

В этой последней брошюре, между прочим, перепечатана моя рецензия на одну из последних книг А.А. —

- *Формозов А.А.* Древнейшие этапы истории Европейской России. М., Наука, 2002. 154 с., илл. (Научно-популярная литература).

Впервые эта рецензия вышла в «Вопросах истории», 2004. № 3. В своём отзыве я констатировал, что перед нами по сути дела первое выполненное на современном уровне введение в изучение отечественной истории. Аналогов ему я не вижу до сих пор. Мало и редко кто из специалистов занимается популяризацией, тем более на столь синтетическом уровне. «Береста» Янина, «Кентавры» Клейна или же некоторые т.п. очерки хоть и великолепны сами по себе, но частичны, специальные по своей тематике. Обойти эту обобщающую книжку А.А. в итоговом очерке о нём несправедливо. Этой работой он показал, что уйдя из профессионального палеолитоведения, прилежно следил и обдумывал новые открытия своих коллег. То есть продолжал заниматься новейшей историографией своего раздела науки о древностях.

Кстати сказать, столь же пристально он интересовался и историей Руси-России в Средние века. Это увлечение «выстрелило» в двух случаях. Во-первых, именно с предисловием Формозова было впервые опубликовано (в виде фрагмента) в журнале «Вопросы истории» (1992. № 6–7. С. 96–103) скандально знаменитое исследование А.А. Зимина про «Слово о полку Игореве»¹⁶.

Во-вторых, нельзя обойти внешне скромного, но по содержанию уникального издания:

• *Формозов А.А.* Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995¹⁷.

Здесь автор поломал устоявшееся представление, что все русские писатели-гении глубоко понимали историю своей Родины. Показана их разница в этом отношении, сложное сочетание художественной правды, научной истины и политической идеологии в нашей беллетристике золотого века. Эта книга заслуживает переиздания приличным тиражом — она нужна всем учителям русской словесности истории России, не говоря уже о более широком круге читателей.

Может, именно в этой тематической нише выразились те интересы Формозова, которые Лев Самуилович зачислил по части «теории». А именно, некие общие представления о культуре, движущих силах и этапах её развития; о соотношении искусства и науки, политики и науки, этики и науки, эстетики и этики, которые его так занимали. Только А.А. предпочитал на этот счёт не писать нарратива от первого лица, а сформулированные вопросы облекать в плоть и кровь настоящих персонажей историографии, реальных коллизий в определённых обстоятельствах. И вообще, очевидно, что А.А. ближе отечественная история, русская культура, а Льву Самуиловичу — западная. На мой взгляд, логичное разделение труда между двумя патриархами нашей науки о древностях. Сам Формозов высоко ценил работу своего товарища А.В. Монгайта о западной археологии. Но сам не претендовал судить о зарубежных коллегах, не будучи знаком с их литературой в оригинале.

Наконец, **воспоминания А.А.** —

• «Записки русского археолога». Они остаются в личном архиве учёного, перешедшем в распоряжении его вдовы — Марианна Казимировны Трофимовой. Она — доктор исторических наук, всемирно известный специалист по античному гностицизму и т.п. сюжетам. Дай бог ей здоровья и сил подготовить воспоминания мужа к изданию без особых купюр. За одно право прочитать их я бы позволил бы отрезать себе мизинец на левой руке (с анестези-

¹⁶ В недавно опубликованном сборнике материалов известной полемики вокруг интерпретации «Слова» А.А. Зиминим, защите подлинности памятника Д.С. Лихачёвым и Ко составительница Соколова позицию Формозова оценивает отрицательно. Перед нами лишний пример «научной войны» двух российских столиц. Но покойного академика Д.С. Лихачёва далеко не все и в его родном Ленинграде идеализируют.

¹⁷ См. рецензию на эту книгу: *Щавелёв С.П.* // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 156–

ей, разумеется). Сколько я не предлагал свою помощь в наборе и издании этой рукописи, получал вежливый отказ. Вероятно, родственники не хотят усложнять репутацию А.А., и без того неоднозначную в академических кругах.

К слову сказать, не менее увлекательные мемуары друга Формозова А.А. Зимина остаются в рукописи уже много, много лет. Некому издать зиминский «Храм науки». А те, кто есть, боятся это сделать: слишком правдиво написаны... Значит не один Формозов был такой честный. Не только его наследники против излишней принципиальности оценок.

Под самый конец своих затянувшихся ремарок приношу свои извинения Льву Самуиловичу Клейну и будущим читателям его увлекательной книги об истории русской археологии. Рецензируя очерк о Формозове, я не захотел считаться с его жанровым форматом. А ведь Лев Самуилович написал не монографическую биографию Александра Александровича, а главу в общей монографии, одну из полусотни с чем-то. Так что автору приходится отбирать только самое необходимое. Возможно, надо больше, но не намного больше. Перечитав очерк, я, кажется, понял замысел автора: говоря об основах жизненной борьбы его персонажа, нужно не утопить всё в словах. Чем лаконичнее, тем сильнее (если, конечно, всё необходимое сказано). Клейн в этом совершенно прав. Он такой же мастер научной прозы, как и Формозов. Поэтому мои замечания и дополнения носят факультативный характер. Может, хоть кому-то они пригодятся — из целой армии будущих читателей новых книг Л.С. Клейна.

Завершить же свой отзыв я хочу выдержкой из частной переписки.

На смерть Александра Александровича Формозова его старый товарищ Лев Самуилович Клейн откликнулся в электронном письме ко мне следующим образом: *«Это огромная потеря для меня, и для всей нашей науки, хотя не все это понимают. Кто-то вздохнет с облегчением. При нём многое было нельзя. Были и у него проколы, он был человек, но при всём том он был совестью нашей науки. Да, неуживчив был — нигде не мог прижиться: ни в школе, ни в вузе, ни в институте, ни в жизни. Да ведь совесть всегда неуживчива. Мудрость не в том, чтобы прижиться, а в том, чтобы выполнять свою жизненную функцию. Вот это он и делал».*

Никто не придумает лучшей эпитафии русскому археологу и писателю А.А. Формозову.

Из переписки Л.С. Клейна и С.П. Щавелёва ¹⁸

1.

С.П. Щавелёв — Л.С. Клейну

¹⁸ При подготовке настоящего издания его соавторы обменивались взаимными вопросами и справками. Поскольку часть этой эпистолярной переписки прямо разъясняет и продолжает ряд моментов в наших очерках, я решил поместить соответствующие выдержки из этих электронных писем в качестве своеобразного постскриптума к этому изданию-конволюту. Не относящиеся к формозовской теме фрагменты писем опущены, что отмечено отточиями. — *С. Щавелёв.*

3 февраля 2009 г.

Многоуважаемый Лев Самуилович!

В связи с кончиной А.А. [Формозова], в честь его светлой памяти решил разослать коллегам по археологической историографии текст его последнего интервью. Если Вы сообразовоите прислать мне по данному электронному адресу свой почтовый адрес, буду рад выслать Вам экземпляр последней работы А.А. и свои издания схожей тематики.

Сергей (Павлович) Щавелёв.
3 февраля

2.

Л.С. Клейн — С.П. Щавелёву
4 февраля 2009 г.

Дорогой Сергей Павлович,

очень признателен Вам за последнее интервью Саши Формозова. О смерти его узнал только из Вашего письма. Он ведь младше меня, а вот ушел первым. Это огромная потеря и для меня и для всей нашей науки, хотя не все это понимают. Кое-кто вздохнет с облегчением. При нем многое было нельзя. Были и у него проколы, он был человек, но при всем том он был совестью нашей науки. Да, неуживчив был — нигде не мог прижиться: ни в школе, ни в вузе, ни в институте, ни в жизни. Да ведь совесть всегда неуживчива. Мудрость не в том, чтобы прижиться, а в том, чтобы выполнять свою жизненную функцию. Вот это он и делал.

...

Всех благ!
Л. Клейн

3.

С.П. Щавелёв — Л.С. Клейну.
4 февраля 2009 г.

Многоуважаемый Лев Самуилович!

Благодарю Вас за скорый отклик на мое траурное сообщение. Книги пошлю Вам сегодня, а пока прикрепляю электронный вариант последней книжки А.А. ... О Вас он всегда говорил мне с уважением. Попробую подго-

товить к печати его письма за четверть века нашей переписки. Разрешите мне процитировать Ваше сообщение на его кончину, очень точное и глубокое. Еще раз благодарю Вас и желаю всего наилучшего!

Ваш — Сергей Щавелёв.

4.

Л.С. Клейн — С.П. Щавелёву

17 апреля 2010 г.

Многоуважаемый Сергей Павлович,

... Жаль, что мемуары Саши лежат под спудом, я считаю, что нужно их опубликовать как можно скорее (независимо оттого, что он там пишет обо мне — он ко мне относился по-разному, я это знаю, но это меня не пугает). Его мемуары нужны именно сейчас, для поддержки серии его книг, трансформирующих археологию. Именно сейчас, пока его «герои» живы и властны.

Рад, что Вас увлекает чтение моих мемуаров ¹⁹. Я, как и Формозов, старался писать правду. Мы вообще шли параллельными путями — окончили в 1951, рано прекратили полевую активность, занялись историей и теорией, и оба прожили довольно долго. Я должен был помереть раньше (рак всё-таки), но оказался крепче. И мои мемуары неожиданно оказались очень востребованными — я больше уповал на выход моей истории мировой археологии, но о ней судить пока рано (должна выйти в этом году).

Может быть, напишете рецензию или заметки о моих мемуарах — учитывая Вашу близость к Формозову, Вам есть что сказать. Можно затронуть историю и сложности наших отношений с АА. А появление Вашего отклика может побудить Марианну Казимировну [Трофимову] отдать мемуары в печать.

Искренне Ваш Л. Клейн.

5.

Л.С. Клейн — С.П. Щавелёву

24 июня 2010 г.

Дорогой Сергей Павлович,

посылаю Вам черновик своего очерка о Формозове для моей «Истории российской археологии».

Жду Ваших замечаний.

Всех благ!

ЛСК

6.

¹⁹ См.: Трудно быть Клейном. Автобиография в диалогах и документах. СПб., 2010.

Л.С. Клейн — С.П. Щавелёву.

28 июня 2010 г.

Дорогой Сергей Павлович,
шлю Вам Ваш отзыв о моей главе о Формозове, чтобы Вы знали, какие Ваши замечания я принял, какие — нет.

ЛСК

7.

Л.С. Клейн — С.П. Щавелёву.

13 августа 2010 г.

Добрый день, дорогой Сергей Павлович!

Как Вы переносите жару? Мы пока выживаем. Я продолжаю писать биографии для «Истории российской археологии в лицах». Моя слабость — в отсутствии работы в архивах. Мне она недоступна, точнее непосильна, так что я здесь целиком зависим от источников. Мое преимущество — в знании иностранной литературы и в наличии общей концепции. При этих условиях удивительно, насколько мои биографии отличаются от других.

Написал уже больше двух третей биографий. Осталось штук пятнадцать. Среди их Брюсов. Стороной узнавал в Москве, что есть по его биографии, кроме того, что опубликовано. Архив его был родственниками в самой интересной части распродан частным лицам (по-видимому, это письма знаменитостей, возможно, Валерия Брюсова), остальное сдано в ГИМ. Но вот что самое интересное. Он написал мемуары. Эти неизданные мемуары хранятся в Отделе рукописей Ленинки. Вот бы до них добраться! Их, конечно, нужно издать. Брюсов — фигура в советской археологии очень любопытная — у нас не было столь четких последователей Косинны. Кроме того, он один из двух злейших врагов Формозова (он и Бибииков). У них противоположные концепции: у Формозова — обширные зоны, у Брюсова — узко-локальные культуры. Я тоже с ним много воевал. Ну, и положительный вклад несомненен.

Не займетесь ли? Вы пока еще можете ездить и заниматься в архивах. Добиться разрешения на издание мемуаров, вероятно, можно. Я готов помогать в подготовке издания. Не всё ведь сидеть на Курской старине. С Формозовым Вы уже вышли на оперативный простор. Надо развивать успех.

Я получил сигнальные экземпляры «Перевернутого мира» и «Формулы Монтелиуса» из Донецка. Теперь жду тиража.

Следите за «Троицким вариантом». Там у меня 17-го должна быть любопытная статья.

Всех благ!

Л. Клейн.

8.

Л.С. Клейн — А.А. Формозову

8 сентября

Дорогой Сергей Павлович,

никаких известий о формозовском сборнике я пока не получал. Поправки к «Чёрному зверю» шлите, пожалуйста, побыстрее, чтобы я смог их учесть в «Истории российской археологии». В Киевской конференции [Н.И.] Платоновой не знаю, буду ли участвовать: я дал ей статью о [В.В.] Хвойке, но мнение моё о Хвойке очень скептическое, так что вряд ли подходит к юбилейным славословиям.

...

Всех благ!

Л. Клейн.

9.

Л.С. Клейн — С.П. Щавелёву

9 сентября 2010 г.

Дорогой Сергей Павлович,

спасибо за материалы, они мне пригодятся весьма. Что касается Ваших замечаний, то многие использую с благодарностью, хотя не со всеми согласен.

[В.Д.] Берестова я просто упоминаю больше в очерке о [С.П.] Толстове. У меня же не один Формозов. Может быть, и стоит перенести часть сведений о нем сюда.

Стилистические ремарки большей частью уместны, но это я оставил на последующее приглаживание. Редакторская работа будет.

Различие между «по благу» и «по знакомству», на мой взгляд, отсутствует. «Блатные» — это другое слово. А «есть ли у Вас блат?» — обычное выражение. Оно не предусматривает непригодности того, кого спрашивают. Означает лишь: есть у Вас полезные знакомые или родные. Некоторое стилистическое (очень тонкое) различие есть, но касается оно не содержания, а дискурса.

О еврейском благе — это Вы совершенно невпопад. Не знаю, как у Шера, а у меня его не было никогда и ни в чем. Вообще, на мой взгляд, еврейская солидарность сильно преувеличена неевреями. Она такой представляется со стороны. Может быть, существовала в среде местечковых гешефтмахеров, хотя и там, полагаю, преобладала конкуренция. Все мои прямые учителя — русские и немцы, почти все мои ученики — русские, дома у меня никогда не жил ни один еврей. Я не специально подбирал — так получилось. Дамир — татарин, жена его — азербайджанка, Паша — русский. Вот мои многолетние противники — еврей Столяр, вежливый соперник (по норманам) — Шаскольский, доноситель на брата в КГБ — еврей (доцент Фих).

Моя первая книга вышла «по благу»: если бы не мои сокурницы во главе с Покровской (Тихоновой — матерью Игоря [Львовича Тихонова]), не удался бы трюк с принятием неготовой рукописи в Издательство. Моя вторая

книга — «Типология» - вышла благодаря помощи моего ученика Леши Ковалева, который тогда основал молодежное издательство а рамках Академии наук. А дальше уже пошло своим ходом. На меня стали работать мои прежние книги, имя, скандальность. Мою «Анатомию Илиады» поддерживал Дьяконов...

За рубеж я поехал один раз в советское время — в соцстрану ГДР, а после перестройки — в капстраны, потому что не боялся контактов с иностранцами, не боялся отправлять свои рукописи за рубеж легально (с огромными трудностями) и нелегально (без большого труда, но с большими опасностями). Поэтому меня усиленно приглашали. Запреты меня не пугали, а наоборот, возмущали и подстегивали. Ну, и знание языков.

Думаю, что у Шера та же картина. В его окружении я евреев не знаю. И из его начальников и друзей начальников я что-то евреев не припомню – ни Руденко, ни Пиотровский, ни Мартынов, по-моему, с синагогой не связаны. Да и сам Шер тоже. Кстати, мы с Шером близки не были, просто у нас был общий приятель — Грач. (Были три друга — Валентин Шилов, Саша Грач и Яков Шер). Когда он и Саша [Формозов] приводили противоположные факты, я не знаю, кто из них ошибался, но шельмой Шер не был. Он работник и очень талантливый.

Официальных аспирантов у меня никогда не было.

С большой буквы я пишу учреждения, когда имеется в виду конкретное учреждение (по-моему это по правилам), когда же любое – с маленькой. Названия журналов – чтобы была ясна аббревиатура.

Ещё раз спасибо.

Л. Клейн

10.

Л.С. Клейн — С.П. Щавелёву

10 сентября 2010 г.

Дочитал вторую часть Вашего отзыва, дорогой Сергей Павлович. Со многим согласен и постараюсь учесть. Но представления о теории у нас разные. О пользе от нее тоже. Теория не «описывает и объясняет». С моей точки зрения, теория — это программа переработки материала, основанная на некой объяснительной идее. А методология — это анализ и обоснование методов. Метод — это теория, обращённая в алгоритм добывания и обработки фактов. А так как теория оборачивается методом, то теория очень близка методологии.

Всё же «тектонические» сдвиги в науке (любой) осуществляются со сменой теории. Они помогают увидеть новые факты. Не знаю, как с [В.П.] Бранским, а меня за мои книги многие благодарили. У Саши была определенная теоретическая позиция, вот ее и надлежит выявить. Факты и он и Рыбаков или Окладников накапливали одинаково объемно, а что они с этим делали — это очень различалось. Потому что теоретические и методологиче-

ские принципы были разными. А метод — это теория, обращенная в алгоритм добывания и обработки фактов. Тут дело не только в личной честности или нечестности.

Теперь о Сашиных неудачах. Согласитесь, что многое не удалось по его собственной вине. Как это было не овладеть языками?! Овладел бы — более вооружен был бы. Второе: он отстаивал с упорством и яростью неверные личные позиции — с авторским правом на памятник, с требованием не выделять мелкие культуры (от последнего отказался только в старости). Третье: при внешней скромности был очень спесив, а это отталкивало многих. Он считал, что его принадлежность к наследственной и столичной русской интеллигенции налагает на него особую миссию — именно на него и ему подобных. Его пренебрежительное отношение ко всяким прочим в пятистольной рецензии в РА подмечено, увы, верно.

Моё наследство было, я полагаю, не слабее формозовского: родители — естественники, кончали Варшавский и Петербургские вузы, в семье и кроме нас с братом есть профессора и лауреаты. То ли гены, то ли среда. Саша, обидевшись на меня, цедил, что мой отец воевал сначала в Белой армии, потом в Красной, что публично говорил одно, а дома на идиш — другое. Мол, был двуличный. Откуда он это взял? Сам выдумал. Так себе представлял. Мой отец перешел на сторону Красной армии 1920 году! Я же не спрашиваю, в каком году его отец стал служить советской власти. Далее, мой отец вообще не говорил на идиш! На латыни говорил. Речь Цицерона против Катилины шпарил наизусть: *Quo usque tandem abutere, Catilina, patientia nostra...* (кажется, так — по памяти). Говорить же на публике одно, а дома другое надобности не было, так как в партию никогда не вступал. А мера откровенности у его отца, думаю, была на публике не больше, чем у моего. Затем мой отец провел на фронте всю войну Отечественную — с первого до последнего дня. Саша подчеркивал, что у меня не те права на связь с русскими древностями, поскольку я провел детство в «многонациональном» Витебске, а он — в сугубо мононациональной Москве. В Витебске я жил до 7 класса. Потом война и другие и города России — Волоколамск, Егорьевск, Царевококшайск (Йошкар-Ола), Гродно, Петербург (с 1947 года), не считая фронтового путешествия.

Кстати, Витебск был не многонациональный. Основных национальностей в нем было всего две: русские (многие с белорусским акцентом) и евреи. Белорусской национальности по самосознанию тогда ещё не было. Это Москва ныне (и давно уже) является многонациональной с русским меньшинством (менее 30 процентов). Если он так скромно величался передо мной (и так мыслил о моей семье), то как же он думал о семье «малограмотного» Рогачёва и т. п. Чем ему не угодила «эта дамочка Ковалевская» (кстати, урожденная княжна Щербатова, из рода Ковалевских), весьма подкованная в математике? Что касается «шельмы Шера», то почитайте его книги о первобытном искусстве. Они ведь головой выше Сашиных и Абаниных (Столяровских), тут ничего не попишешь. Взаимные обвинения Саши и Якова я знал за

год до публикации и пытался всячески умерить остроту оскорблений. С Шером это удалось (его первоначальный вариант был куда хлеще), с Сашей — нет. Но там же есть факты: скажем, Шер утверждает, что что-то показал Формозову, Саша утверждает, что никогда не встречался с Шером. Ясно, что кто-то из них запомнил. Это же можно проверить

Что Вы так отстаиваете Сашину позицию, это очень хорошо, потому что его недруги очень влиятельны и громогласны. Я и сам считаю, что его общая моральная позиция очень нужна нашей науке. Но что он в пылу сражения был, к сожалению, неразборчив, обидчив по мелочам, субъективен — это факт. Скромнен только внешне, а в глубине души заносчив и потому бывал нередко несправедлив. Вы это можете игнорировать — Вы его поверенный и ученик. Я не могу. Я должен быть объективен. Привычка такая. И я должен оправдывать ожидания моих читателей.

Вы с ним общались интенсивно, но сравнительно недолго. А я — шестьдесят лет.

Вполне возможно, что его супруга права, не спеша с публикацией его мемуаров. Нужно в примечаниях оговорить все неточности и (увы) несправедливости, допущенные им в пылу спора. Чтобы книга разила тех, кого необходимо, безукоризненно. Чтобы было невозможно дать еще один пятиствольный залп.

Всех благ!

ЛСК

P.S. Да, забыл отметить Ваше замечание насчет еврейских склонностей к теории. Маркс, Эйнштейн, Винер, Мертон, Ломброзо, Фрейд и т. д. Вероятно, что-то в этом есть на генетическом уровне — Вам как причастному к медицине это виднее. Но, может быть, именно с этим надо связывать тот странный факт, что, составляя 0, 01 процента мирового населения и даже от населения цивилизованных стран не более 1 процента, евреи получили то ли 32, то ли 37 процентов нобелевских премий. Никакая мафия тут не при чем: премии даются шведской и норвежской академиями, где евреев практически нет. Наверное всё-таки такой процент именно потому, что теория дает общий качественный прогресс науки. Так что то, что никто из москвичей не читал моих «Источников» (если это так), говорит об образованности москвичей, а не о бесполезности моей книги. Рецензии на нее продолжали идти 18 лет. Кстати, оба издания этой книги разошлись полностью давно. «Типология» была издана в 6 тыс. экземпляров, читают ее до сих пор. Для ряда археологов это настольная книга. Некоторые термины вошли в археологический язык именно от моих работ или (иностранцы) через мои работы. Хвастаться не приходится: я многого не успел, не реализовал всех возможностей, самую интересную теорию не доработал до нужной кондиции.

Но и для того, чтобы Саша с уверенностью применял принципы исследования, которых Окладников не применял, нужно было, чтобы кто-то эти принципы разработал. И жаль, что Саша застрял на принципах, разработанных

ных в запрошлом веке, и мало заботился о пополнении своего теоретического и методического багажа. А усваивать было что.

И ещё одно замечание. История археологии в наше время стала отраслью теоретической археологии. Так что Саша занимался теоретической археологией, «не зная, что говорит прозой». А его книги о морали археологов — это поэзия.

ЛСК.

11.

С.П. Щавелёв — Л.С. Клейну
10 сентября 2010 г.

Дорогой Лев Самуилович!

Мой Вам низкий поклон за терпимость к моим выпадам и понимание... Этого сейчас почти не встречается... Вы уникам!

Я буду думать над Вашими ответами, по большей части они меня убеждают и при первом чтении. Закралась мысль: а не объединить ли эти наши материалы в брошюру, наподобие того, что у нас вышло с Борисом Васильевичем Марковым?..²⁰ Назвать: «А.А. Формозов (1924-2009). Послесловие». Дать сначала Ваш очерк, а потом мои предложения (убрав из них грамматическую мелочёвку). Пусть и мизерным тиражом, но я бы тиснул ее в Курске и переправил бы десяток-другой Вам. Если эта идея не вызывает у Вас категорического протеста, я подготовлю такой конволют и перешлю Вам на просмотр и поправки... Да, и Ваши замечательные электронные письма на эту тему приложить. И наши фотопортреты... Может, кто-то из посвящённых черкнет страничку напутствия

Всего Вам самого доброго, прошу простить мои закидоны...

Ваш Сергей Щавелёв

P.S. Я уже упоминал о своем «философском» пособии для аспирантов²¹. Поскольку там есть ссылки на Вас еще до выхода тиража прикрепляю электронную версию, по которой удобно найти персоналию.

12.

С.П. Щавелёв — Л.С. Клейну
10 сентября 2010 г.

Дорогой Лева Самуилович!

Я рад, что Вы в принципе поддержали идею брошюры памяти А.А. Постараюсь подготовить её побыстрее и послать Вам на просмотр ее электрон-

²⁰ См.: *Марков Б.В., Щавелёв С.П.* Критика тоталитарного опыта. Курск, 2011 (В печати).

²¹ См.: *Щавелёв С.П.* Этика и психология науки. Курск, 2010.

ный вариант. Конечно, постараюсь выпустить ее до конца текущего года, что опередить Ваш фолиант. Я написал об этой идее вдове Марианне Казимировне и брату Николаю Александровичу, но ответа не получил: у М.К. почта заблокирована, видимо, она так и не вышла из депрессии, а Н.А. часто уезжает в экспедиции (он биолог, как их отец). Так что буду делать на свой страх и риск, а Вы поправите окончательный вариант.

Посланная Вам книжка о науке выходит из печати в нашем университете. Как будет тираж, вышлю Вам на память.

...

Ещё раз благодарю Вас, до связи!

Сергей Щавелёв

13.

Л.С. Клейн — С.П. Щавелёву

15 сентября 2010 г.

Дорогой Сергей Павлович,

я думаю, что в большинстве случаев все недоразумения между Шером и Формозовым носят именно такой характер. Оба не давали себе труда разобраться спокойно и найти источник недоразумений. Обоих душили обиды, причем Шер — человек гораздо более спокойный и толерантный. Но согласитесь, если вас обзывают проходимцем, тут всякий вскипит.

У меня тоже было недоразумение с Шером, в котором виноват был он (оно описано в мемуарах). Я обратился к нему прямо. Он сразу признал, повинился, был готов принести любое публичное извинение, я просто опубликовал разъяснение, и мы остались в хороших отношениях. Никакого скандала.

Мои подобные стычки с Сашей всегда приводили к ссоре на год-два, причем обиды всегда были с его стороны, потом всё сходило на нет.

Конечно, он не был антисемитом ни в малейшей мере. Но незаметно для себя он воспринимал и меня и Шера более евреями, чем мы есть, и в его подсознании действовали клише общенародного восприятия евреев. Он ожидал от нас соответствующего поведения — изворотливости, пронырливости, хитрости и т. п. (как у Вас вера в существование еврейской взаимопомощи и еврейской спайки). Что в этом секрет наших успехов. Его убежденность, что мой отец должен был дома говорить на идиш, очень показательна. А между тем, атмосфера у нас в доме была гораздо ближе к атмосфере в его доме, чем он мог вообразить. Не было у нас ни еврейских праздников, ни мацы, ни одной книги или газеты на идише, за все 80 с гаком лет я ни разу в жизни не был в синагоге..., в православные и католические храмы заходил, а в синагогу — нет.

Так же как поначалу он подозревал, что мои предки непременно были за красных, комиссарствовали, конфисковывали и т.п. Что отец провёл прак-

тически всю Гражданскую в Белой армии, его очень удивило. А ведь евреев было гораздо больше за белых, чем за красных. Даже евреи-революционеры были в основном не большевики, а эсеры, в лучшем случае меньшевики. Основная же масса состоятельных евреев была за кадетов. Февральскую революцию – да, поддерживали. А Октябрьский переворот — нет. Деникинская армия (в отличие от Колчака) была не за царя, а за Временное правительство и Учредительное собрание.

Белецкий, прочтя моего «Чёрного зверя», считает, что заголовок неправильный. Что уж если выбирать французский, то нужно назвать Сашу *enfant terrible*, потому что у него до старости сохранились детская обидчивость, максимализм и детская наивность.

Что касается правки текста брошюры, то какие-то мои промахи нужно пометить хотя бы как бывшие, потому что иначе придется удалить больше половины Вашего текста.

Всех благ!

ЛСК

P.S. Из того, что Вы написали, я заключаю, что стоило бы мне написать Марианне Казимировне? Может быть, сообразит, что икона никому не нужна, что сила Формозова именно в его ершистости и даже чудачестве. Что нужен реальный Формозов, а не причесанный и приукрашенный на манер, выбранный родственниками. Что он лучше их знал, что нужно, а что — нет. Что надобно бесхитростно выполнить его волю. Публике интересен Формозов, а не то, что его родственники думают о его отношениях с окружающим миром. Единственное, где они могут выразить свои мнения — комментарии.

Формозов не был святым, и образ святого Формозова может быть только фальшивкой. Он был человеком – страдающим, борющимся, ошибающимся, взыскующим правды, несправедливым, эрудитом, одаренным, ограниченным, невероятно интересным.

Я понимаю, что обо мне он мог написать всякое. Может быть и скверное. Но я не желаю это вычеркивать. Если я не соглашусь, то изложу свои возражения. Но это его мнение, и оно должно быть известно.

Всех благ!

ЛСК.

14.

С.П. Щавелёв — Л.С. Клейну.

18 декабря 2010 г.

Дорогой Лев Самуилович!

«Исполнен труд, завещанный от бога мне грешному...» Посылаю Вам только что законченный вчерне текст нашей совместной брошюры. Я готов убрать и исправить всё, что Вы сочтете нужным. В случае Вашего принципиального одобрения, я несусь это в ректорат с прошением об издании в 2011 г.

Тираж будет символическим — экз. 100, но электронный оригинал-макет с обложкой и прочими аксессуарами можно будет выложить в Сети. ...

Со скорым Рождеством Нового года Вас и Ваших близких поздравляю! Надеюсь старый новый год отметить отзывом на "Трудно быть Клейном..."
Ваш Сергей Щавелёв.

15.

Л.С. Клейн — С.П. Щавелёву
22 декабря 2010 г.

Дорогой Сергей Павлович,
просмотрел конволют. Замечания и поправки (отмеченные красным).
... См. приложение.
ЛСК.

Приложения

I.

ИНТЕРВЬЮ А.А. ФОРМОЗОВА (данное С.П. Щавелёву 12 декабря 2008 г.)

Дорогой Александр Александрович!

Повод взять у Вас интервью самый что ни на есть законный — скоро, под самый конец уходящего 2008 года, Вам исполняется 80 лет! Я уверен, что десятки людей, и старших, и младших наших коллег, будут искренне рады сердечно поздравить Вас с юбилеем и от души пожелать Вам здоровья и благополучия. Предыдущий Ваш юбилей — 75-летний — был отмечен публикацией сразу двух — в Москве и в Санкт-Петербурге — посвящённых Вам сборников статей археологов и историков, написанных по Вашим формозовским темам. О некоторых из них давайте же поговорим сейчас.

Как водится в юбилейных разговорах с учёными, вопросы к вам направляются и лично-биографического, и проблемно-тематического планов. Начну с традиционной жизненной ретроспекции. В своих книгах и статьях, особенно вышедших в 2000-е годы, Вы уже затронули немало автобиографических моментов: и о родителях, и о выборе пути в науке, и об учителях в Московском университете и в академических институтах, и о развитии Ваших исследовательских интересов. Тем не менее, не грех кое-что повторить и дополнить

Попробую ответить на вопросы.

Итак, предлагаю начать с начала. Средняя школа. Вы учились в ней во второй половине 1930-х – первой половине 1940-х годов. Что сохранилось в памяти? Хорошего или плохого? Как повлияли учителя, товарищи по классу на Ваш гуманитарный выбор?

Я учился в трех школах. Сначала в рядовой московской № 70. Потом два года в Актюбинске. Наконец, в образцовой № 110 снова в Москве. Я опоздал с приездом из Казахстана к началу учебного года. Приехал в декабре. Год пропал. Школа № 110 была подшефной МГУ. Отец пошел к директору, и он меня взял. Школа Нансеновская (потом имени Зелинского) была образцовой, учителя хорошие. Об одном из них — И.И. Зеленцове вышла сейчас книга. Но школу я не любил и мало чем ей обязан. Отталкивали официальщина, показуха, ложь.

Как признавались Вы в написанной Вами биографии отца, Александра Николаевича Формозова, он, вполне понятно, мечтал увидеть в сыне, то есть в Вас, свои собственные качества — натуралиста, испытателя природы, охотника и следопыта. Ваше равнодушие к живой природе, её обитателям, его поначалу огорчало. Идти наперекор родительской воле, особенно в благополучной семье, нелегко. Как определился Ваш выбор факультета в университете? Какое отношение к этому выбору имели родители, возможно, другие родственники и близкие к Вашей семье люди?

Мой интерес к истории связан с её возвращением в число преподаваемых предметов. Выходило много книг, «Библиотека исторических романов». Была выставка в Третьяковке «Русская историческая живопись». В театрах пьесы о Суворове, Кутузове, Иване Грозном. Это и заинтересовало. Отец свёл меня на истфак МГУ, где был кружок для школьников. Так и пошло. Отец хотел другого, но не препятствовал.

У советских подростков, конечно, городских, первым «университетом» как мне показалось, что называется, на собственной шкуре, был двор. Не было домофонов на парадных дверях, шприцы наркоманов не валялись по подъездам, все террористы сидели по лагерям, дети после уроков допоздна шлялись на улице. Интеллигентные мамы отзывали своих чад со двора пораньше, часов в 9 вечера. Дворовую школу воспели наши «барды», Окуджава и Высоцкий. Первый лиричнее, второй драматичнее. Вы обходили дворовую кампанию стороной или как-то в ней участвовали?

Двор в моей детской жизни роли не играл.

Этнограф Владимир Рафаилович Кабо в своих эмигрантских (из Австралии) мемуарах вспоминает, в том числе, и Вас — студента исторического факультета МГУ. О большинстве своих старых знакомых он отзывается зло, пристрастно, но вот о Вас студенте — уважительно. А Вам кто особенно запомнился по студенческим годам? Кто из однокашников оказался Вам ближе по интересам, складу личности?

С Кабо я знаком с университетских лет. Когда он вернулся из лагеря, помогал ему с защитой. Потом мы встречались в Звенигороде, где он жил, снимая коттедж у академика С.Л. Соболева, а мы — в пансионате. С ним была уже вторая его жена Лена. Мы много гуляли, беседовали. Отсюда и его отношение.

Курс, где я учился, большой, человек двести. В основном демобилизованные. Шли сюда, ибо химфак или физфак — труднее. В основном на кафедру истории КПСС или истории СССР периода социализма. От этой группы — отчуждение. Были хорошие ребята — В.Б. Кобрин, В.Л. Янин, но истфак вспоминаю без любви.

Вам, ещё студенту старшекурснику, сделали «предложение, от которого невозможно было отказаться» (казалось бы) — приступить к преподаванию на историческом факультете, возглавить специализацию студентов-археологов по каменному веку, после безвременной кончины М.В. Воеводского кадрово оголётной. Вы тактично отказались. Не пожалели? В результате мгушная школа палеолитчиков оказалась к сегодняшнему дню довольно бледной...

Не жалею об отказе иметь дело с МГУ. Положение с преподаванием каменного века плохое. Янин взял в штат и возвел в доктора наук невежественную и нахальную Н.Б. Леонову. Моей вины в этом нет.

Выбор академического института выпускником истфака Формозовым чем был обусловлен? В какой степени Ваши ожидания совпали с реалиями этого «храма науки»?

Я мог пойти по окончании МГУ или в музей (ГИМ, антропологии), или в ИИМК. «Храм», конечно, не ахти. Но это скопление ведущих специалистов. О выборе не жалею.

Опыт археологического поля, руководства раскопками был ли безусловно необходим Вам в дальнейшей исследовательской работе? Вы вспоминаете о своих крымских и кубанских экспедициях с сожалением или с ностальгией?

Я как экспедиционный работник не очень силен. Но поездки в Крым и на Кавказ вспоминаю с удовольствием.

«Голодный Старый Крым»... Кажется, это Волошин. Каковы Ваши воспоминания об этом замечательном полуострове? Случайно или нет, так совпало, что и ваша супруга, известный историк античной культуры Марианна Казимировна Трофимова — уроженка Ялты?

Выбор Крыма и место рождения М.К. не связаны.

Вы несколько раз в Ваших книгах упоминаете о себе как о прирождённом холостяке. Вместе с тем, все Ваши последователи и посетители вашего дома пользуются гостеприимством Вашей супруги Марианны Казимировны. Как это вообще вышло с вашей женитьбой? Если вопрос покажется Вам чересчур личным — пошлите меня куда подальше — и я туда пойду...

Установки и привычки холостяка, каким я был до пятидесяти лет, у меня остались. С М.К. знакомы были много лет. Сошлись в очень трудные для меня годы. Она меня поддержала. Её помощь и забота обо мне неизменны. Я только благодаря ей выжил в этом году.

Она не во всём принимает мою позицию по части историографии археологии, но считает, что я праве её иметь и отстаивать.

Честно сказать, как-то не вяжутся с Вашей сегодняшней фигурой те Ваши действия в молодости, что вспоминают Ваши товарищи — Абрам Давыдович Столяр, Игорь Сергеевич Каменецкий — вот Саша Формозов бросается купаться в каждой встреченной на экспедиционном пути речке; вот он выходит к ночному костру чужой экспедиции с рюкзаком на плечах... А потом Ваши поездки по всем петроглифам СССР... Выходит, Ваш отец поспешил огорчаться Вашим равнодушием ко внегородской, экспедиционной жизни?

В юности был и весел, и задирист, и бесшабашен. Рассказы реальны.

Александр Александрович Зимин. Что связывало Вас с этим человеком? Почему до сих пор не изданы его воспоминания «Храм науки»? Автор ведь определил и Вас в число своих литературных душеприказчиков. И Вы достойно отработали этот завет, впервые опубликовав фрагменты из зиминской монографии о «Слове о полку Игореве» в «Вопросах истории». Что конгениально Вам, а что чуждо в фигуре и характере А.А. Зимины?

С Зиминим меня познакомил Монгайт как раз в момент создания его «Слова». Что-то я ему подсказал, чем-то я ему понравился. Общее между нами — преданность науке, стремление служить ей, не оглядываясь на ситуацию. Человек был умный, знающий, думающий. Мемуары его не изданы, ибо реакция была бы та же, что и на мои книги последних лет издания. Людей, готовых заняться его делами, уже нет. Кобрин умер. Овчинников инвалид, колясочник. Я не историк.

Вам пришлось писать некрологи, статьи, отзывы, причём сугубо положительные, доброжелательные о многих своих старших коллегах и ровесниках. А о ком не довелось такого написать? Кого ещё Вы упомянули бы одобрительно, тепло среди наших археологов, историков, других гуманитариев старших поколений? Ведь они, как говорится в сегодняшней телерекламе, этого заслуживают.

Было немало достойных людей. Хотел подробно написать о Замятнине, Иессене, Грязнове. Кого-то ценил, но знал мало — Артамонова, к примеру. О многих написали без меня в Санкт-Петербурге.

Чем можно объяснить притягательность Вашей личности для коллег младших поколений? Вы ведь не располагали властью администратора, из-

дательскими возможностями. Скорее, наоборот, находились в опале у начальства. Тем не менее, Вашего общения всегда искали многие археологи, что моложе Вас; Ваши публикации были нарасхват в нашей среде; Вам совершенно добровольно посвящали сборники статей, даже похвально-шутливые стихи (А. Сорокин). Сегодня отзывами на Ваши книги пестрит Интернет (Где живёт в основном молодежь). Короче, в чём секрет Вашей популярности среди археологической, да и прочей научной молодёжи?

Популярности у меня никогда не было. С самого начала очень отрицательно относились ко мне в Ленинграде. В Москве считали карьеристом. Молодежь побаивалась. Но я многим давал — темы, материал для работ; дарил книги. Так что постепенно отношение менялось. Сейчас я уже никому не нужен.

В своих историографических работах Вы делите своих учителей (в широком смысле этого слова), точнее говоря, ну, всех старших коллег, на две группы — несколько упрощая, но и проясняя — хороших и плохих. И в научном, творческом, и в житейском, моральном планах. Безусловно хороши Замятнин, в основном хороши Пассек, Фосс, Воронин, Монгайт; более хороши, чем плох Киселёв; более плохи, нежели хороши многие другие; безусловно плохи ещё кое-кто. Такое ранжирование идёт наперекор общепринятой в научной корпорации системе оценок предшественников. Оценок, конечно, почти сплошь комплиментарных. То есть за глаза, вне печатной строки, почти все археологи не прочь посудачить о самодурстве Рыбакова, идейном авантюризме Окладникова, прочих недостатках бывших научных начальников. Поясните, пожалуйста, ещё раз, какими Вы видите критерии оценки личностей и научного наследия наших предшественников?

Надо различать две стороны. Одна — вклад в науку. Многие сделали полезное дело — копали, издавали и т.д. Другое дело — линия поведения. Хорошие специалисты порой вели себя плохо. В моей книге «Человек и наука» в основном речь о второй стороне.

Ну, и наоборот, относительно других фигур из новейшей истории российской археологии — вроде Пиотровского, Артамонова, Ляпушкина, Третьякова, Рогачёва, некоторых других — мы с Вашей лёгкой руки признаём прежде всего их заслуги, нравственную стойкость этих личностей, а какие-то их же недочёты списываем на трудные времена их работы. Это и есть «гамбургский счёт» в историографии?

О нравственной стойкости Б.Б. Пиотровского говорить вряд ли можно. Остальные сделали много полезного, а вели себя по-разному.

Недавний съезд археологов России в Суздале был посвящён 100-летним юбилеям трёх академиков — Рыбакова, Окладникова, Пиотровского. В пленарных докладах о каждом из них говорилось только хорошее. Мы что, обречены на такую историографическую полуправду? Вынесет ли время более справедливый вердикт?

Думаю, что окончательных вердиктов не будет никогда. Симпатии и антипатии останутся.

У Вас, помню из предыдущих разговоров, есть своя периодизация развития отечественной археологией. Воспроизведите её, пожалуйста, ещё раз, хотя бы вкратце.

Периодизация в схеме такова. 1) Период разрозненных наблюдений; 2) Организация научных работ по плану Петра I на базе Академии наук; 3) Период дворянского дилетантизма; 4) Сложение археологических учреждений — ИАМК, РАО, МАО; 5) Предреволюционный период. Съезды. Систематизации Городцова и Спицына. Преподавание; 6) Распад империи и кризис науки; 7) НЭП; 8) Создание ГАИМК как центра. Марр и его «новое учение», стадиальность. Централизация; 9) После войны. Усиление московской группы. Издание книг. Восстановление системы отчетов и т.д.; 10) Распад. Новосибирский центр. Неудача «Сводов археологических источников» и «Археологии СССР»; 11) Наука в загоне и постепенное возрождение ее. Роль провинциальных центров.

«Пушкин. Тайную свободу пели мы вослед тебе» — с этими строками Блок сошёл в могилу. Чем вызван, чем поддерживался Ваш повышенный интерес к фигуре первого поэта России? Не жалеете ли, что променяли пушкиноведение на археологию?

Большую роль сыграл пушкинский юбилей 1937 года. С тех пор любовь к эпохе Пушкина и декабристов. Мог бы и заняться ею.

Ваше увлечение балетом, вообще театром пошло от влияния родственника актёра? Припомните, пожалуйста, Ваших любимых деятелей сцены.

Увлечение балетом имело ряд причин. Балет на очень высоком уровне. Гениальная Уланова. Балет как пример преемственности с начала XIX века. Я увлёкся балетом ранее нашего знакомства с А.Д. Грачом. Он поставлял билеты в Мариинку в дни моего приезда в Ленинград. Знал его мать — балетного педагога Тюнтину, балетоманов той поры и их кумиров (Тарасюк и Федичева). Помимо Улановой, ценил в Санкт-Петербурге Ольгу Моисееву, в Москве Ермолаева, в отдельных партиях Плисецкую.

Как-то на фуршете в Институте философии РАН я спросил у Вадима Львовича Рабиновича: «Кто ваш любимый поэт?» Он ответил: «Конечно, я. Затем Хлебников». А у Вас, Александр Александрович?

Кто любимый поэт? Остаюсь верен классической традиции. Пушкин, Лермонтов, Тютчев.

Городецкий, Высоцкий, Вознесенский и т.д. чужды.

Как Вы оцените такую тему историографического исследования: «Археологические темы в русской поэзии»? Подскажите наиболее выигрышные имена в этой связи...

Тема «Археологические мотивы в русской поэзии» любопытна. Конечно, «Курган» А.К. Толстого. И.Б. Брашинский говорил мне, что его друг составил антологию стихов о раскопках в Крыму и она очень интересна. Вероятно, Бобров с его «Херсонесидой». Сейчас им очень интересуются. Видят в нём даже предтечу Маяковского, но для меня он бездарный Бибрис. Веро-

ятно, Зайцевский с его «На раскопках Херсонеса». Но что может показать такая антология? Зависимость художественных представлений от развития науки? Это и так ясно.

Какие фигуры, периоды, школы в истории русской археологии Вы считаете незаслуженно обойдёнными историографическим вниманием?

Тем много. Сейчас в моде локальные обзоры, вроде Вашего ²². У нас была аспирантка Жукова по тверской археологии. Я руководить ей не стал, руководил Мерперт. Кое-что ей всё же дал. Читал её диссертацию. Любопытные моменты есть, и общие, и частные. Я за такие работы.

Ведя с Вами эти беседы, я выступаю в роли самозванца. Не будучи ни Вашим коллегой по Институту археологии, ни даже москвичом, оставаясь провинциалом; не археологом, а философом... И, тем не менее, Вы некогда, а именно в 1980 году охотно и подробно откликнулись на моё письмо с вопросами о раскопках Сизова и Самоквасова; с тех пор постоянно консультировали меня, редактировали мои публикации в журнале и составлявшихся Вами историографических сборниках. Как я скоро выяснил, кроме, до и после меня к Вам прибились ещё десятка два относительно молодых исследователей из разных городов нашей страны, даже с Украины. Все мы по несколько раз в году бываем у Вас в гостях, ещё чаще переписываемся, созваниваемся. Что заставляло Вас уделять такое внимание по сути дела посторонним людям? К тому же очень разным по характерам, уровню культуры...

Привлекательность не во мне, а в том, что когда-то я что-то мог: издать, помочь с защитой. Теперь меня выгнали, шеф историографии Пряхин издаёт сборники. И люди пойдут к нему.

Ну, не все историки археологии так-таки и пойдут куда-то ещё. А что, по-Вашему, заставляло Ваших последователей раз за разом прибегать к Вашим консультациям? Когда вполне можно было бы, казалось, обойтись и без них?

Без моих консультаций обойтись можно, что люди и делают. Но почему бы не взять у человека что-то, если не отказывает?

Если не считать Ваших книг, первую систематическую историю русской археологии составил Глеб Сергеевич Лебедев. Вы отозвались об этом его труде благосклонно, он упомянул Вас в нём благодарно. После его безвременной кончины петербургские коллеги успели переиздать его книгу о викингах на востоке Европы, а вот курс историографии не успели. Стоит ли его переиздать? Что придётся в этом случае пояснить и дополнить?

Книга Лебедева. Неплохая по замыслу, плоха по исполнению. Куча ошибок и неточностей. Всё это надо исправить, но автора нет. Санкт-Петербург вроде бы хотел переиздать книгу ²³. Я не против.

²² См.: Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей.

²³ По устным сообщениям автору этих строк И.Л. Тихонова и Н.Н. Жэрве в Петербурге неизвестна рукопись переработанной книги Г.С. Лебедева по истории русской археологии.

В продолжение некоторых предыдущих вопросов: Вы довольны тем, что сделали в историографии те специалисты, что объявляют себя Вашими учениками, последователями? Чьи работы Вам понравились больше из этого неформального формозовского кружка? (Мои-то Вы и похваливали, и поругивали местами — за дело, то есть фактические ошибки, методологические изъяны)

Из вышедших за последние годы книг этой тематики хороши сводка Ирины Владимировны Тункиной, «300 лет сибирской археологии» Матющенко, «Оленин» Файбисовича.

Чем Вы можете объяснить повышенный интерес к археологической историографии? Почему вслед за Вами в 1980-е – 2000-е годы ею занялись совершенно разные люди в различных центрах науки и образования? В результате к сегодняшнему дню практически о каждой губернской ученой архивной комиссии защищено по диссертации. Много работ по истории археологии разных регионов России, немало биографий археологов прошлого. Как, кстати, Вы оцениваете качество этих публикаций последнего времени?

Интерес к истории науки связан с интересом к прошлому страны, ее культуры. Хочется понять, что мы имеем, что потеряли, что стоило бы развивать.

Вы написали послесловие для книжки Вити Бердинских из Кирова (Вятки) об истории русского кладоискательства. Мне довелось её рецензировать для журнала «Российская археология»²⁴, и я, как Вы знаете, оценил эту работу сугубо отрицательно — как позорный призыв к молодёжи грабить национальные древности. Почему Вы согласились поддержать своим авторитетным именем столь сомнительное издание?

Я считаю «Кладоискательство» Бердинских — неудачей, хотя у автора есть и хорошие книги («Вятские историки», «Провинциальные историки» [«Вятлаг» — С.Щ.]). Вашу рецензию считаю справедливой. Бердинских писал мне и задавал вопросы в ходе работы. Я старался его направить. То, что он не использовал, указал в послесловии. Книга при интересе к теме успеха не имела. Он пытался её переиздать, но не вышло. Ну и ладно.

Ваш убедительный голос прозвучал на «круглом столе», проведённом несколько лет назад в редакции «Российской археологии», и посвящённом анализу криминальной, так называемой «чёрной археологии»²⁵. Каковы Ваши оценки её сегодняшней экспансии? Что посоветуете предпринять, чтобы спасти для науки и культуры хотя бы остатки памятников национальной археологии?

Деятельность «чёрных археологов» вредна. Попытки противостоять им малоэффективны. Надо продолжать это дело по спасению национального культурного наследия. Нужен указ правительства, без чего не обходится ни одно дело.

²⁴ См.: Щавелёв С.П.

²⁵ См.:

Чем обусловлен Ваш скептицизм относительно попыток разработки теории и методологии археологии? Вроде нескольких книжных «кирпичей» Л.С. Клейна...

Я за развитие теории археологии, но слишком часто то, что выдается за теорию, это просто болтовня. Стремление придать себе вес и т.п.

Если вернуться к биографической канве нашей беседы — что для Вас Москва? «Город, знакомый до слёз» или надоевший мегаполис, где за хлебом, допустим, вам с Ленинского проспекта надо выезжать куда-то в более дешёвый район на метро. Потому что на Ленинском проспекте, где Вы живёте, цены на всё повседневно необходимое запредельные... Москва какого исторического времени Вам ближе?

Москву люблю той, что застал в детстве, болезненно воспринимаю уничтожение её специфики. Но что поделать? Идет объективный процесс.

Мне остаётся поблагодарить Вас за терпение и благосклонное отношение к моим вопросам. В заключение я только повторю моё глубочайшее убеждение в том, что авторизованную Вами запись нашей юбилейной беседы с патриархом русской археологии с интересом прочтёт множество профессионалов и любителей археологии, и вообще гуманитарной науки.

Итак, до новых встреч и бесед, дорогой Александр Александрович.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ФОРМОЗОВА ²⁶

1. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане // ВКФ. 1945. № 2 (5). С. 6–8.
2. Памятники древности Наурзумского заповедника // ВКФ. 1946. № 4 (13). С. 50–52.
3. Новые точки кельтеминарской культуры в Казахстане // ВКФ. 1946. № 5 (14). С. 24–25.
4. Древности с Усть-Урта // Вестник Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата. 1947. № 7 (28). С. 59–61.
5. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане // КСИИМК. 1949. Вып. XXV. С. 49–58.
6. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом // БКИЧП. 1950. № 15. С. 64–76.
7. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане // КСИИМК. 1950. Вып. XXXI. С. 141–147.
8. Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика // СЭ. 1950. № 3. С. 171–176.

²⁶ По изданию:

В указанный перечень мной внесено несколько дополнений и поправок — С. Щавелёв.

9. Стоянка Песочный ров на реке Десне: к вопросу о мезолитических культурах Восточной Европы // КСИИМК. 1950. Вып. XXXV. С. 42–54 (в соавт. с М.В. Воеводским).
10. Археологические памятники в районе Орска // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI. С. 115–121.
11. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. 1951. Вып. XXXIX. С. 3–18.
12. Книга о древней наскальной живописи в Узбекистане (Рец. на кн.: А. Рогинская. Зараут-сай. М.; Л.: Детгиз, 1950) // СЭ. 1951. № 3. С. 213–216.
13. Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья (по данным разведок 1950 г.) // КСИИМК. 1952. Вып. XLVI. С. 31–41.
14. Новые исследования стоянок первобытного человека в нашем районе // За сталинский урожай. Бахчисарай. 4. 09. 1952 г. № 61 (866). С. 2.
15. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками // ВДИ. 1953. № 1. С. 193–200.
16. Из истории передвижений групп первобытного человека в эпоху мезолита // СЭ. 1953. № 1. С. 168–172.
17. [Рец. на:] Ископаемый человек и его культура на территории СССР (Уч. зап. МГУ. 1952. Вып. 158) // СЭ. 1953. № 4. С. 156–158.
18. Возобновление полевых исследований по каменному веку Крыма // БКИЧП. 1953. № 18. С. 89–94.
19. Из новейшей литературы по палеолиту Казахстана и Средней Азии // БКИЧП. 1953. № 19. С. 90–92.
20. Важное открытие археологов // Крымская правда. Симферополь. 30. 10. 1953 г. № 21 (9363). С. 4.
21. Неолитическая керамика Нижнего Подонья // КСИИМК. 1954. Вып. 53. С. 134–138.
22. Исследования стоянок каменного века в Крыму в 1952 году // КСИИМК. 1954. Вып. 54. С. 62–70.
23. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР // СА. 1954. Т. XXI. С. 38–51.
24. Стоянка Староселье близ Бахчисарая — место находки ископаемого человека // СЭ. 1954. № 1. С. 11–22.
25. Находка остатков ископаемого человека в Крыму // Природа. 1954. № 7. С. 109–112.
26. Новые работы по каменному веку СССР (Рец.: Палеолит и неолит СССР // МИА. 1953. № 39) // ВДИ. 1954. № 3. С. 100–104.
27. Локальные варианты культуры эпохи мезолита Европейской части СССР: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. 16 с.
28. Находка остатков ископаемого человека в Крыму // Переводы по палеонтологии. Пекин, 1955. № 2. С. 46–49 (на кит. яз.).
29. Изображения на плитах кромлеха из кургана у с. Вербовки (в связи с наскальными изображениями Каменной могилы) // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 5. С. 71–74.

30. Сулянь цзишици вэнь хуа яньцзю (Изучение микролитических культур в СССР) // Каогу сюэбао. Шанхай, 1955. Т. X. С. 13–26 (на кит. яз.).
31. О времени возникновения различий между северными и южными культурами каменного века Русской равнины // КСИИМК. 1955. Вып. 59. С. 3–10.
32. Доандроновское погребение в Казахстане // КСИИМК. 1956. Вып. 63. С. 153–155.
33. Исследование погребенной пещеры в Крыму // Природа. 1956. № 7. С. 102–104.
34. Изучение нижнего палеолита СССР за последние десять лет (1946–1955) // Докл. сов. делегации на V Междунар. конгр. антропологов и этнографов. М., 1956. 25 с. (в соавт. с В.П. Любиным) (на рус. и фр. яз.)
35. [Рец. на кн.:] Всемирная история. М., 1955. Т. I // ВДИ. 1956. № 3. С. 49–62. (в соавт. с М.Н. Ботвинником, А. Меликешвили, Р.Н. Рубинштейн).
36. Некоторые итоги последних исследований палеолитических пещерных стоянок Крыма // Совещание по изучению карста: Тез. докл. М., 1956. Вып. 10. С. 10–11.
37. О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа // КСИИМК. 1957. Вып. 67. С. 138–141.
38. Исследование памятников каменного века Крыма в 1954 г. // БКИЧП. 1957. № 21. С. 135–138.
39. [Рец. на кн.:] С.А. Сардарян. Палеолит в Армении. Ереван, 1954 // СА. 1957. Т. XXVII. С. 307–309.
40. О времени и исторических условиях сложения племенной организации // СА. 1957. № 1. С. 13–21.
41. Некоторые вопросы возникновения человеческого общества: По поводу статьи Б.Ф. Поршнева «Материализм и идеализм в вопросах становления человека» // СА. 1957. № 1. С. 256–60 (в соавт. с О.Н. Бадером, А.Я. Брюсовым, С.В. Киселевым).
42. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? // СА. 1957. № 4. С. 66–4.
43. Новые данные о палеолитическом человеке из Староселья // СЭ. 1957. № 2. С. 124–130.
44. Новые мустьерские стоянки Крыма и их значение для стратиграфии палеолита СССР // Всесоюзное междуведомственное совещание по изучению четвертичного периода. Секция ископаемого человека: Тез. докл. М., 1957. С. 19–20.
45. Клады каменных орудий на территории СССР // *Archéologique rozhledy*. Praha, 1958. Ročic X, seřt 5. С. 637–45.
46. Outillage microlithique du neolithique de la Crimée // *Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise*. Paris, 1958. Т. LV. № 5–6. P. 263–67.
47. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР // СА. 1958. № 2. С. 137–142.

48. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите // МИА. 1958. № 71. 125 с.
(Рец.: М.Д. Гвоздовер // Советская антропология. 1960. № 1. С. 151–153).
49. Проблема локальных различий в древнем палеолите СССР // Советская антропология. 1958. № 1. С. 33, 34.
50. О «капсийском характере» палеолита Кавказа: К вопросу о локальных вариантах культуры позднепалеолитического человека // КСИЭ. 1958. Вып. XXX. С. 159–165.
51. Древние историко-этнографические области Европейской части СССР (мезолит, неолит, энеолит) // СЭ. 1958. № 5. С. 17–30.
52. Дополнения к главам 1–3 // Очерки истории СССР: Первобытнообщинный строй и древнейшие государства. М., 1958. С. 15–93.
53. Этнокультурные области мезолита и неолита Европейской части СССР // Тез. докл. на пленуме ИИМК АН СССР, посвященном итогам археологических исследований 1957 года. М., 1958. С. 3–6.
54. Мустьерская стоянка Кабази в Крыму: Первый опыт изучения погребенных пещер в СССР // СА. 1959. Т. XXIX–XXX. С. 143–158.
55. Исследования по каменному веку Крыма в 1956 году // КСИИМК. 1959. Вып. 73. С. 39–47.
56. Использование подъемного материала с дюнных стоянок в археологических исследованиях // КСИИМК. 1959. Вып. 75. С. 85–89.
57. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959. 126 с.
58. К изучению неолита и энеолита Северного Кавказа // Тез. докл. на науч. Сессии ИИЯЛ им. Г. Цадасы ДФ АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959. С. 31–32.
59. Микролитические памятники Азиатской части СССР // СА. 1959. № 2. С. 47–59.
60. Сергей Николаевич Замятнин // СА. 1959. № 2. С. 143–147.
61. [Рец. на кн.:] Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957 // СА. 1959. № 3. С. 236, 237 (в соавт. с Б.А. Рыбаковым и А.П. Смирновым).
62. [Рец. на кн.:] А.С. Амальрик, А.Л. Монгайт. Что такое археология? М.: Учпедгиз, 1957 // ПИШ. 1959. № 4. С. 116, 117.
63. Исследования памятников каменного века на Северном Кавказе в 1957 году // КСИИМК. 1960. Вып. 78. С. 13–21.
64. Кубанская экспедиция 1957 г. // СГЭ. 1960. Вып. XVIII. С. 56–58 (в соавт. с А.Д. Столяром).
65. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае // СА. 1960. № 2. С. 103–114 (в соавт. с А.Д. Столяром).
66. Микролитические памятники Азиатской части СССР // Каогу. Пекин, 1960. № 4. С. 47–56 (на кит. яз.).

67. Использование кости на мустьерской стоянке Староселье в Крыму // *Archeologicke rozhledy*. Praha, 1960. Ročník XII, sesit 3. С. 390–402 (в соавт. с М.Д. Гвоздовер).
68. Сбор костных остатков из палеолитических стоянок для изучения относительной хронологии // Сборник инструкций по взятию образцов для анализа археологических материалов методами естественных наук. М., 1960. С. 18–21.
69. О собирании археологических коллекций // ПИШ. 1960. № 3. С. 83–85.
70. Нужен настоящий путеводитель по памятникам старины // Ленинский путь. Самарканд. 27. 10. 1960 г. № 236 (5960). С. 2.
71. Mezolityczne i neolityczne obszary kulturowo-etniczne Europejskiej części ZSRR // *Prace i materiały Muzeum Archeologicznego i etnograficznego w Łodzi*. Łódź, 1960. С. 5–24 (Ser. archeologiczna. № 5).
72. Древнее население Кавказа и его культура [Дополнения к разделу] // Народы Кавказа. М., 1960. С. 33–60 (Сер. «Народы мира»).
73. Археологические исследования пещер в верховьях реки Белой в Краснодарском крае // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т. II. С. 39–72.
74. Открытие свидерской стоянки в Румынии и проблема южных связей и даты свидерской культуры // СА. 1961. № 2. С. 268–270.
75. Образ человека в памятниках первобытного искусства с территории СССР // Вестник истории мировой культуры. М., 1961. № 6 (30). С. 103–112.
76. Очерки по истории русской археологии. М., 1961. 128 с.
(Рец.: А.Л. Монгайт // ВИ. 1963. № 4. С. 130–132; З. Ш-ой // Возрождение. Париж, 1962. № 127. С. 129–130; F. H. [F. Hančar] // *Jahrbuche für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1965. Bd. 13: 3. S. 168–169).
77. [Рец. на:] Проблемы истории первобытного общества (ТИЭ. 1960. Т. LIV) // СЭ. 1961. № 5. С. 168–173 (в соавт. с В.М. Бахтой).
78. Microlithic sites in the Asiatic USSR // *American Antiquity*. Menasha, 1961. Vol. 27, № 1. P. 82–92 (перевод № 59).
79. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа (материалы к изучению неолита Юга СССР) // МИА. 1962. № 102. С. 89–149.
80. [Рец. на:] Н.А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР (МИА. 1960. № 81) // СА. 1962. № 3. С. 315–318.
81. Относительная хронология древнего палеолита Прикубанья // СА. 1962. № 4. С. 17–27.
82. О хозяйстве племен майкопской культуры Прикубанья // КСИА. 1962. Вып. 88. С. 27–32.
83. Кубанская экспедиция 1959–1960 годов // СГЭ. 1962. Вып. XXII. С. 49–54 (в соавт. с А.Д. Столяром).
84. Периодизация поселений майкопской культуры // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 31–42.

85. Мезолитические племена Европейской части СССР // История СССР в 12 томах: Проект. Т. I: Первобытнообщинный строй, рабовладельческий строй, первые феодальные государства. М., 1963. С. 66–73.
86. Предисловие // П.У. Аутлев. Абадзехская палеолитическая стоянка. Майкоп, 1963. С. 3–4.
87. Новое о южных связях майкопской культуры // КСИА. Вып. 93. 1963. С. 34–37.
88. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе // СА. 1963. № 4. С. 183–187.
89. [Рец. на кн.:] D.G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Herausgegeben von E. Winter. Berlin, 1962. Teil I // СЭ. 1963. № 2. С. 171–173.
90. Сосуды со знаками эпохи энеолита и бронзы и история письменности (в связи с выходом книги В.А. Истрина «Развитие письма») // ВДИ. 1963. № 2. С. 180–183.
91. The petroglyphs of Kobystan and their chronology // Rivista di Scienze preistoriche. Firenze, 1963. Vol. XVIII. Fasc. 1–4. P. 91–114.
92. Неолит и энеолит Северо-Западного Кавказа в свете последних исследований // СА. 1964. № 3. С. 8–20.
93. Puszkin i Chodakowski // Slavia Orientalis. Warszawa, 1964. Rocznik XIII, № 1. P. 11–16.
94. Палеолитические стоянки в пещерах Прикубанья // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 9–16.
95. Распространение мустьерских стоянок двух типов в Европейской части СССР // VII Междунар. конгресс антропол. и этнограф. наук. М., 1964. 7 с.
96. Новые поселения майкопской культуры в Прикубанье // КСИА. 1964. Вып. 101. С. 102–110 (в соавт. с Е.Н. Черных).
97. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965. 160 с.
98. Вулканическое стекло из стоянок каменного века в Краснодарском крае и Чечено-Ингушетии // Археология и естественные науки. М., 1965. С. 167–170 (в соавт. с В.В. Наседкиным).
99. Материалы по истории русских музеев // СА. 1965. № 4. С. 278–280.
100. К 60-летию Георгия Францевича Дебеца // СА. 1965. № 4. 242–244.
101. [Рец. на кн.:] Ю.И. Семенов. Возникновение человеческого общества. Красноярск, 1962 // ВФ. 1965. № 6. С. 182–183.
102. Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни-«следовики 2 // СЭ. 1965. № 5. С. 130–138.
103. «Отечественные записки» — первый русский историко-археологический журнал // Тез. докл. сов. делегации на 1 Междунар. конгрессе славян. археологии в Варшаве. М., 1965. С. 84.
104. Предисловие [к статье В. Стеценко. Письмена мертвой пустыни] // ВС. 1965. № 5. С. 15.

105. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья // СЭ. 1965. № 6. С. 177–181.

106. The rock paintings of Zaraut-Kamar, Uzbekistan // Rivista di Scienze preistoriche. Firenze, 1965. Vol. XX. Fasc. 1. С. 63–83.

107. О наскальных изображениях Зарауткамара в ущелье Зараут-сай // СА. 1966. № 4. С. 14–26.

108. Мезолитические племена на территории Восточной Европы // История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. I. С. 35–40.

109. Paleolithicum // Historische Schatten uit de Sowjet-Unie. Naage, 1966. S. 17–18.

110. Mesolithicum en Neolithicum // Там же. S. 19–20.

111. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966. 128 с.

(Рец.: М.Д. Гвоздовер // НМ. 1967. № 4. С. 280–281; Н. Натанов [Н.Я. Эйделъман]. С глубокой признательностью // ЗС. 1967. № 4. С. 41–43; З.И. Ямпольский. Полнее учитывать новые наблюдения // Изв. АН Азербайджанской ССР. Сер. ист., филос. и права. 1966. № 4. С. 115–116).

112. Пушкин, Чаадаев и Гульянов // ВИ. 1966. № 8. С. 212–214.

113. [Рец. на кн.:] С.А. Токарев. История русской этнографии: Дооктябрьский период. М., 1966 // СЭ. 1966. № 6. С. 135–139.

114. Первый русский историко-археологический журнал // ВИ. 1967. № 4. С. 208–212.

115. Palaolithikum // Historische Schatze aus der Sowjet-Union. Essen, 1967. S. 17–18.

116. Mesolithikum und Neolithikum // Там же. S. 21–22.

117. Palaolithikum // Historische Schatze aus der Sowjet-Union. Zurich, 1967. S. 17–18.

118. Mesolithikum und Neolithikum // Там же. S. 19–22.

119. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее // СЭ. 1967. № 3. С. 68–82.

120. Наскальные изображения в Центральной Туве // АО 1966 г. М., 1967. С. 133–134.

121. К 60-летию М.М. Герасимова // СА. 1967. № 3. С. 212–214.

122. Следы, мифы, догадки // ЗС. 1967. № 9. С. 44–46.

123. О наскальном барельефе близ с. Буша в Поднестровье // СА. 1968. № 2. С. 103–110.

124. Про наскальний барельєф поблизу с. Буша в Подністров'ї // Матеріали другої Подільської історико-краєзнавчої конференції. Львів, 1968. С. 112–113.

125. Из истории Кунсткамеры // ВИ. 1968. № 5. С. 214–216.

126. Очерки по первобытному искусству: Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М., 1969. 256 с.

(Рец.: В. Brentjes // Bibliotheca orientalis. Leiden, 1971. Jahrgang

XXVIII, № 1/2. С. 109–111; Н.Л. Подольский // СА. 1973. № 3. С. 365–375; А.Д. Столяр // СА. 1974. № 4. С. 304–315; З.И. Ямпольский. У истоков искусства нет религии // Изв. АН Азербайджанской ССР. Сер. литературы, языка и искусства. 1970. № 1. С. 111, 112; З.И. Ямпольский. Замечания к книге // Баку. 19. 12. 1969 г. С. 2).

127. «Волшебные фигурки» первобытного человека // ВИ. 1969. № 4. С. 218–220.

128. Новые польские книги по истории археологии // СА. 1969. № 3. С. 286–289.

129. Всемирно-исторический масштаб или анализ конкретных источников? // СЭ. 1969. № 4. С. 99–106.

130. Историзм русской литературы (рец. на кн.: Л.В. Черепнин. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968) // НМ. 1969. № 4. С. 267–271.

131. Искусство эпохи мезолита и неолита // МИА. 1970. № 166. С. 194–205.

132. Предисловие // Там же. С. 5–7.

133. О термине «мезолит» и его эквивалентах // СА. 1970. № 3. С. 6–11.

134. Эпический сюжет в причерноморском искусстве бронзового века // КСИА. 1970. Вып. 123. С. 48–50.

135. Распространение мустьерских стоянок двух типов в Европейской части СССР // Тр. VII Междунар. конгресса антропол. и этнограф. наук. М., 1970. Т. VII. С. 463–466.

136. Тиражи исторических изданий первой половины XIX века в России // ВИ. 1970. № 2. С. 192–196.

137. Об историческом месте неолитической культуры Левобережной Украины (в связи с выходом в свет книги Д.Я. Телегина «Днепро-донецкая культура») // СА. 1970. № 1. С. 280–83.

138. О.А. Кривцова-Гракова // СА. 1970. № 4. С. 322–323.

139. Предисловие // В.И. Цалкин. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970. С. 3–6.

140. Вениамин Иосифович Цалкин (1903–1970) // Зоологический журнал. 1970. Т. 40. Вып. 1. С. 1589–591 (в соавт. с А.А. Насимовичем).

141. Каменноостская пещера — многослойная стоянка в Прикубанье // МИА. 1971. № 173. С. 100–16.

142. [Введение к разделу «Искусство первобытного общества»] // История искусств народов СССР. Т. I: Искусство первобытного общества и древнейших государств на территории СССР. М., 1971. С. 7–10.

143. Наскальные изображения Средней Азии // Там же. С. 31–33.

144. Наскальные изображения Кавказа // Там же. С. 47–48.

145. Искусство неолита и бронзового века в степной полосе Северного Причерноморья // Там же. С. 54–6.

146. Первые научные раскопки в Нижнем Поволжье // СА. 1971. № 1. С. 191–193.

147. О сибирских чертах в палеолите и мезолите Восточной Европы // Вопросы антропологии. 1971. Вып. 37. С. 77–83.
148. Поселения Адыгеи эпохи раннего металла // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1972. Т. III. С. 5–29.
149. Новые памятники первобытной культуры в районе Кавказских Минеральных Вод // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 70–73 (в соавт. с А.П. Руничем).
150. «Notes du pays» de P.P. Svin'in — premier journal russe historique et archeologique // I międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. Warszawa, 14–18. 09. 1965. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1972. Т. VII. S. 77–88.
151. О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии // СА. 1972. № 1. С. 22–35.
152. К истории древнейшего скотоводства на Юге СССР // Основные проблемы террологии: Эволюция, зоогеография, экология и морфология млекопитающих и происхождение домашних животных. М., 1972. С. 19–25. (ТМОИП. Т. XLVIII).
153. Первый собиратель каменных орудий в России // ВИ. 1972. № 1. С. 213–216.
154. Развитие локальных вариантов и спорные проблемы этнокультурной истории каменного века // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1972. Вып. 2. С. 12–14.
155. Спорные проблемы в этнокультурной истории каменного века // Каменный век Средней Азии и Казахстана: Тез. докл. Ташкент, 1972. С. 11–15.
156. Время возникновения локальных вариантов и археологических культур в каменном веке // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии: Сб. памяти М.М. Герасимова. М., 1973. С. 115–126.
157. О соотношении неолитических и энеолитических культур Кавказа // КСИА. 1973. Вып. 137. С. 36–41.
158. Eelajaloolise kunsti malestusmargid NSV lidu territooriuml. Tallinn, 1973. 126 с.
159. Распространение сегментов и трапеций в каменном веке Европейской части СССР // СА. 1973. № 1. С. 235–239.
160. Мезолитические и неолитические орудия Европейской части СССР и проблемы этнической истории // IX Междунар. Конгресс антропол. и этнограф. наук: Докл. сов. делегации. М., 1973. 14 с.
161. О месте наскальных изображений в истории искусства // Проблемы археологии Урала и Сибири: Сб. статей, посвящ. Памяти В.Н. Чернецова. М., 1973. С. 273–279.
162. Цена ошибки: [Очерк об И.И. Срезневском из неопубликованной книги «Человек и наука»] // ЗС. 1973. № 6. С. 38–39.
163. Новые книги о наскальных изображениях в СССР (обзор публикаций 1968–1972 г.) // СА. 1973. № 3. С. 257–65.
164. Нальчикский курган // ВИ. 1973. № 12. С. 209–212.

165. Археологические ландшафты // Пути в неизвестное: Писатели рассказывают о науке. Сборник десятый. М., 1973. С. 339–368.
166. Об изображении на костяном топорике из Дударкова // СА. 1974. № 2. С. 249–52.
167. Археология в Академии наук // СА. 1974. № 2. С. 3–3.
168. Пушкин и Ходаковский // Прометей: Ист.-биограф. альманах серии «Жизнь замечательных людей». М., 1974. Т. 10. С. 100–105.
169. Археологические путешествия. М., 1974. 120 с.
(Рец.: *Природа*. 1975. № 11. С. 124).
170. Древнейшее прошлое Европы (Рец. на кн.: А.Л. Монгайт. Археология Западной Европы. В 2-х тт. М., 1973–1974) // НМ. 1974. № 9. С. 279–281.
171. Первая библиотека в Великих Луках // Великолукская правда. 22. 01. 1974 г. № 15 (12459). С. 2.
172. The most important recent archaeological discoveries made in European Russia // *Recent Archaeological Excavations in Europe*. London; Boston, 1975. P. 188–266 (в соавт. с Р.Л. Розенфельдтом, Б.А. Рыбаковым, Е.Н. Черных, Д.Б. Шеловым).
173. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX века // СА. 1975. № 1. С. 171–175.
174. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // СА. 1975. № 4. С. 5–13.
175. Из переписки писателей-натуралистов (письма В.К. Арсеньева и Эрнеста Томпсона-Сетона // БМОИП. Отд. биолог. 1975. Т. LXXX. Вып. 1. С. 31–36.
176. История термина «археология» // ВИ. 1975. № 8. С. 214–218.
177. Поиски гробницы Овидия // НиЖ. 1975. № 11. С. 156–159.
178. Монгайт Александр Львович // СА. 1975. № 2. С. 318.
179. Искусство каменного и бронзового веков // Триста веков искусства. Искусство Европейской части СССР. М., 1976. С. 6–27 (в соавт. с А.Д. Столяром).
180. К характеристике палеолитического поселения Мальта // СА. 1976. № 2. С. 205–210.
181. Неопубликованные произведения искусства палеолитической стоянки Мальта // СА. 1976. № 4. С. 180–184.
182. Памяти А.Л. Монгайта // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 110–112.
183. Предисловие // В.И. Мошинская. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976. С. 3–8.
184. Когда и как складывались современные представления о памятниках русской истории // ВИ. 1976. № 10. С. 203–209.
185. Легенда о гробнице Овидия в русской литературе // ВДИ. 1976. № 4. С. 122–130.

186. О работах А.Д. Столяра по палеолитическому искусству и критике их Р.Я. Журовым // СЭ. 1976. № 1. С. 91–94.

187. Введение; Искусство каменного и бронзового веков; Резюме; Аннотации к таблицам раздела «Искусство каменного и бронзового веков» // А.М. Беленицкий, В.П. Даркевич, А.А. Формозов, И.В. Яценко. Произведения искусства в новых находках советских археологов. М., 1977. С. 5, 6–41, 196–198, 199–202.

188. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1977. 144 с.

189. О критике источников в археологии // СА. 1977. № 1. С. 5–14.

190. «...И мамонта, могуч и страшен, на битву равную охотник вызывал»: Две страницы из истории формирования представлений о первобытном обществе в России // Природа. 1977. № 5. С. 157–60.

191. От составителя; Примечания // А.Н. Формозов. Среди природы: Избранные научно-художественные произведения. М., 1978. С. 5–, 255–60.

192. Новые книги о наскальных изображениях Кавказа и Средней Азии (обзор публикаций 1973–976 гг.) // СА. 1978. № 3. С. 270–75.

193. О работах А.Д. Столяра по палеолитическому искусству и критике их Р.Я. Журовым // Soviet Anthropology and Archaeology: Selected Articles from Soviet Journals in English Translations. New York, 1978. Vol. LVI. № 3–4 (на англ. яз.).

194. Дендроглифы и геоглифы // ВИ. 1978. № 4. С. 216–18.

195. Археология и архивы: К вопросу об изучении археологической документации // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 38–8.

196. Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М., 1979. 120 с. (Рец.: Н.Я. Эйдельман. Поэт — «историк строгой» // НМ. 1960. № 8. С. 259–262; Э.И. Ханпира // Вопросы литературы. 1981. № 10. С. 263–269).

197. Пушкин и древности юга России // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. IX. С. 195–206.

198. О некоторых задачах и спорных проблемах в исследовании памятников первобытного искусства // СА. 1979. № 3. С. 5–15.

199. Заметки о Пушкине (комментарий археолога): 1. О гробнице Овидия; 2. К спору Пушкина и Рылеева о щите Олега; 3. «Археолог» в послании П.А. Катенина «А.С. Пушкину» // Временник Пушкинской комиссии АН СССР – 1976. Л., 1979. С. 131–34.

200. Памятники первобытного искусства на территории СССР. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 1980. 136 с.

201. [Рец. на кн.:] В.И. Марковин. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978 // СА. 1980. № 3. С. 317–21.

202. Александр Николаевич Формозов (1899–973). М., 1980. 152 с. (Рец.: Природа. 1981. № 1. С. 126; Охота и охотничье хозяйство. 1981. № 2. С. 23; Г.Н. Симкин // БМОИП. Отд. биолог. 1981. Т. 86. Вып. 4. С. 114–115).

203. О музеях-заповедниках // Актуальные проблемы музейного строительства: Музей и посетитель. М., 1981. С. 126–128 (Тр. НИИ культуры МК РСФСР. Вып. 101).
204. К истории археологических раскопок в Киеве в начале XIX века // СА. 1981. № 1. С. 312, 313.
205. Собиратели каменных орудий в России в середине XIX века // СА. 1981. № 3. С. 97–106.
206. К столетию «Археологии России» А.С. Уварова // Природа. 1981. № 12. С. 61–69.
207. Проблема древнейшего человека в русской печати XIX столетия (наука, церковь, цензура) // СА. 1982. № 1. С. 5–20.
208. Новая книга о пещере Ласко. (Рец. на кн.: Arl. Leroi-Gurhan, J. Alain. Lascaux inconnu. XII supplements a Gallia Prehistoire. Paris, 1979) // СА. 1982. № 3. С. 250–254.
209. «Намерен писать картину»: К истории создания картины К.Е. Маковского «Призыв Минина» // Горьковский рабочий. 20.09.1982 г. № 216 (9635). С. 3.
210. Начало изучения каменного века в России. М., 1983. 128 с.
211. Первый опыт комплексного исследования памятников первобытной культуры в России // Природа. 1983. № 1. С. 82–89.
212. К проблеме «очагов первобытного искусства» // СА. 1983. № 3. С. 5–13.
213. Молодой Забелин // Куранты: Ист.-краевед. альманах. М., 1983. С. 220–31.
214. Забелин и Некрасов // ВИ. 1983. № 6. С. 182–84.
215. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984. 240 с.
(Рец.: А. Гельман // ВИ. 1985. № 4. С. 136; И. Смирнов. Иван Егорович Забелин и его книги // ЗС. 1985. № 3. С. 48; А. Соловьев. Книжный мир историка Забелина // Альманах библиофила. 1986. Т. XX. С. 312–315; А.М. Турков. Крутая лестница // Известия. 16. 05. 1984 г. № 137 (20848). С. 3; А.В. Ушаков // НМ. 1985. № 9. С. 270, 271; М. Фрейденберг. Исследователь жизни народной // Калининская правда. 27. 12. 1984 г. № 207 (20419). С. 4).
216. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // СА. 1984. № 4. С. 238–241.
217. Как смотрели на памятники старины и их охрану // Памятники Отечества. 1984. № 2. С. 136–138.
218. Что такое наскальные изображения (главы из книги) // Панорама искусств. М., 1985. Т. 8. С. 22–46.
219. Воспоминания И.Е. Забелина о Т.Н. Грановском // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С. 100–105.
220. От составителя; Примечания // А.Н. Формозов. Среди природы: Избранные научно-художественные произведения. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1985. С. 5–9, 278–285.

221. Общее и особенное в сложении археологии как науки в России // СА. 1985. № 1. С. 5–8.
222. Документ по истории русской археологии начала XIX в. // СА. 1985. № 3. С. 267–270.
223. Революционер-шестидесятник М.Л. Михайлов о первобытных людях // СЭ. 1985. № 6. С. 73–76.
224. Страницы истории русской археологии. М., 1986. 240 с.
225. Судьба книги [д'Эрвилли «Приключения доисторического мальчика»] // Детская литература. 1986. № 4. С. 39–43.
226. Позднее прозрение [очерк в серии «Библиография в моей жизни»] // Советская библиография. 1986. № 3. С. 57–61.
227. Наскальные изображения и их изучение. М., 1987. 108 с.
228. К биографии А.А. Спицына // СА. 1987. № 2. С. 262–264.
229. Актер с Вятки [Н.М. Падарин] // Кировская правда. 11. 08. 1987 г. № 184 (22237). С. 4.
230. К проблеме письменности у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего металла // *Studia praehistorica. Sofia*, 1988. Т. 9. Р. 147–178. (В соавт. с В.В. Отрощенко).
231. Следопыты земли Московской. М., 1988. 142 с.
(Рец.: В.А. Бердинских // НМ. 1989. № 5. С. 270, 271).
232. О двух документах 1860-х годов, касающихся древнерусской архитектуры // СА. 1988. № 2. С. 132–137.
233. Историк Москвы и русского быта Иван Егорович Забелин // Иван Егорович Забелин: Библиографический указатель. М., 1988. С. 8–19.
234. Памятники материальной культуры в исторических изысканиях Гоголя // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Второй обл. науч.-практ. семинар: Тез. докл. Полтава, 1989. С. 100–101.
235. Русское общество и охрана памятников культуры. Изд. 2-е, доп. М., 1990. 112 с.
(Рец.: В. Семибратов. О памятниках // Кировская правда. 13. 02. 1991 г. № 31 (21284). С. 3).
236. Историческая наука в [19] 20–30-е годы: «Круглый стол» Научного совета по историографии и источниковедению (выступление) // История и историки. М., 1990. С. 76–77.
237. Классики русской литературы и историческая наука (некоторые наблюдения) // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: Тез. докл. семинара. М., 1990. Вып. II. С. 271–273.
238. Александр Блок читает книгу о первобытном человеке // СЭ. 1990. № 6. С. 123–127.
239. Spitsyn A.A. // *Great Historians of the Modern Age: An International Dictionary*. New York; Westport; Connecticut; London, 1991. P. 575, 576.
240. Uvarov A.S. // Там же. P. 581, 582.
241. Предисловие // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991. С. 3–8.

242. Уральский археолог М.В. Малахов // Там же. С. 70–80.
243. Уралец Малахов // ВИ. 1991. № 4–5. С. 71–74.
244. Литературная судьба книги «Урядник сокольничья пути» // МЖ. 1991. № 8. С. 27–29.
245. Об историке России и Москвы [И.М. Снегиреве] // МЖ. 1992. № 1. 30–31.
246. И.Е. Забелин и А.Н. Островский // МЖ. 1992. № 3. С. 57–59.
247. И.Е. Забелин и А.Н. Островский // Чтения памяти В.Б. Кобрин. Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. М., 1992. С. 185–186.
248. «Город ведать» у Пушкина // МЖ. 1992. № 4. С. 59.
249. [Предисловие к публикации:] А.А. Зимин «Слово о полку Игореве» (фрагменты книги) // ВИ. 1992. № 6–7. С. 96–103.
250. [Рец. на кн.:] Краеведы Москвы. М., 1991 // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 118–119.
251. Феномен «Синописа» (из книги «Человек и наука») // Вестник новой литературы. СПб., 1992. № 4. С. 250–261.
252. Сервиллизм (из книги «Человек и наука») // Там же. С. 262–266.
253. Рассказ В.П. Боткина о московских кружках 1830-х годов в записи И.Е. Забелина // МЖ. 1992. № 11–12. С. 71.
254. К датировке восточносибирских писаниц // Петр Алексеевич Кропоткин: гуманист, ученый, революционер: Тез. докл. Чита, 1992. С. 50–51.
255. Археология и идеология ([19]20–30-е годы) // ВФ. 1993. № 2. С. 70–82.
256. История уральской археологии — проблемы изучения // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII УАС. Екатеринбург, 1993. С. 207.
257. А.С. Уваров и его место в истории русской археологии // РА. 1993. № 3. С. 228–245.
258. «Процветают ли науки и искусства, им и горя мало...» [Гл. о М.Е. Салтыкове-Щедрине из кн. «Классики русской литературы и историческая наука»] // ЗС. 1993. № 8. С. 47–55.
259. Два очерка из истории отечественной культуры: А.К. Толстой и Н.И. Костомаров // Аequinox. МСМХСШ. М., 1993. С. 196–204.
260. Первым бросивший камень (из книги «Человек и наука») // Там же. С. 204–211.
261. Книги об отечественных археологах // РА. 1993. № 4. С. 249–252.
262. Про «Историю малороссийских казаков» Н.В. Гоголя // Казацькі старожитності Полтавщини: Зб. наук. праць. Полтава, 1993. Вип. 1. С. 85–92.
263. Эпизоды из жизни историка Забелина // МЖ. 1993. № 11. С. 59–61.
264. [Тексты в кн.:] Художественная культура первобытного общества: Хрестоматия. СПб., 1994. С. 16, 18–20, 22, 23, 274, 275, 277, 283, 284, 330, 332–334, 336–338, 378.

265. О периодизации энеолитических поселений Прикубанья // РА. 1994. № 4. С. 44–53.
266. О периодизации истории отечественной археологии // РА. 1994. № 4. С. 219–225.
267. Еще раз о наскальном барельефе у с. Буша // Археология. 1994. № 3. С. 136–138.
268. Об одной детали в «Войне и мире» // МЖ. 1994. № 9. С. 12.
269. А.С. Уваров и его роль в истории русской археологии // Уваровские чтения — II. Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность. М., 1994. С. 3–32.
270. Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995. 160 с.
(Рец.: С.П. Щавелев // ВИ. 1998. № 5. С. 156–158).
271. Русские археологи до и после революции. М., 1995. 114 с.
272. Коротко об авторах // Антология советской археологии (1917–1933). М., 1995. Т. I. С. 154–164, сост., подгот. текстов.
273. Введение; Коротко об авторах // Антология советской археологии (1930-е годы). М., 1995. Т. II. С. 3–10, 218–221, 223–232, со ст., подгот. текстов.
274. П.Н. Милюков и археология // Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения: Тез. докл. М, 1995. Ч. II. С. 612–613.
275. П.Н. Милюков и археология // РА. 1995. № 2. С. 209–216.
276. О книге Л.С. Клейна «Феномен советской археологии» и самом феномене // РА. 1995. № 3. С. 225–232.
277. С.В. Киселев — советский археолог 1930-х – 1950-х гг. // РА. 1995. № 4. С. 151–162.
278. Археология на страницах «Журнала Министерства внутренних дел» 1830–1860 гг. // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историографические очерки. СПб., 1995. С. 28–35.
279. Артист Малого театра Николай Падарин // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера: К 450-летию преподобного Трифона вятского чудотворца: Мат. Междунар. науч. конф. Киров, 1996. Т. II. С. 410–422.
280. Коротко об авторах // Антология советской археологии (1941–1956). М., 1996. Т. III. С. 242–256, сост., подгот. текстов.
281. Письмо в журнал «Current Anthropology» об американско-украинских раскопках в Староселье // CurA. 1996. Vol. 37. P. 114–115.
282. К столетнему юбилею В.И. Равдоникаса // РА. 1996. № 3. С. 197–202.
283. Старая историческая литература на сегодняшнем книжном рынке России // Книжное обозрение. 23. 04. 1996 г. № 2. С. 197–202.
284. Uber das Buch von L.S. Klejn «Das Phanomen der sowjetischen Archaologie» und uber das Phanomen selbst // Lew S.Klejn. Das Phanomen der sowjetischen Archaologie: Geschihte, Schulen, Protoganisten [так у Клейна — С.Щ.] /

Übersetzt von D. Schorkowitz unter Mitwirkung von W. Kulik. Frankfurt am Main; Berlin: Peter Lang, 1997. S. 366–383.

285. О старых и новых раскопках пещеры Староселье в Крыму (письмо в редакцию) // РА. 1997. № 3. С. 167–175.

286. О немецком краеведении в Нижнем Поволжье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Мат. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997). Саратов, 1997. С. 20–21.

287. Примечания // А.Н. Формозов. Среди природы. Изд. 3-е, испр. и доп. Новосибирск, 1997. С. 245–254, сост., подгот. текстов.

288. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х годов // РА. 1998. № 3. С. 191–206.

289. Предисловие // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. Вып. II. С. 3–11.

290. М.Е. Фосс и проблема неолитических культур // Там же. С. 214–230.

291. О святилище в Игнatieвской пещере на Урале // Polytron: К семидесятилетию В.Н. Топорова. М., 1998. С. 871–874.

292. Памяти Аскольда Александровича Щепинского (1926–1997) // РА. 1998. № 4. С. 245–247 (в соавт. с А.Д. Столяром).

293. Александр Николаевич Промптов (1898–1948) // Московские орнитологи. М., 1999. С. 375–399.

294. Академия истории материальной культуры как центр советской исторической мысли в 1932–1934 годах // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Брянск, 1999. С. 5–32.

295. Памятники первобытной культуры и русская история (к постановке проблемы) // Евразийские древности: 100 лет Б.Н. Гракову (архивные материалы, публикации, статьи). М., 1999. С. 305–309.

296. П.Н. Милюков и археология // Россия в IX–XX вв.: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 484–485.

297. М.Е. Фосс и проблема неолитических культур // РА. 1999. № 3. С. 181–192.

298. Пушкин и древности: Наблюдения археолога. Изд. 2-е, доп. М., 2000. 144 с.

299. О датировке росписей в Игнatieвской пещере на Урале // РА. 2000. № 1. С. 215–217.

300. Исторические опыты И.Н. Муравьева // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф. М., 2000. С. 183–184.

301. Исторические опыты И.Н. Муравьева // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. С. 374.

302. Иван Егорович Забелин: Очерк жизни и творчества // Иван Забелин. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 2001. Т. II. С. 569–772.

303. Муромские исследователи каменного века // РА. 2001. № 2. С. 144–149.
304. Муромские исследователи каменного века // Уваровские чтения — III: Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность. Муром, 2001. С. 228–234.
305. Необычная судьба книги о первобытном человеке // РА. 2001. № 4. С. 168–170.
306. Предисловие // Очерки истории отечественной археологии. М., 2002. Вып. III. С. 3–7.
307. О Петре Петровиче Ефименко (материалы к биографии) // Там же. С. 73–126.
308. Памяти Хавы Иосифовны Крис (1921–2001) // РА. 2002. № 2. С. 186–187 (в соавт. с К.А. Смирновым).
309. [Рец. на кн.:] Дневник и «записные книжки» И.Е. Забелина // РА. 2002. № 3. С. 176–177.
310. Древнейшие этапы истории Европейской России. М., 2002. 154 с.
311. Выступление на заседании «круглого стола», организованного редакцией журнала «Российская археология» по проблеме «Незаконные раскопки и археологическое наследие России» // РА. 2002. № 4. С. 78–79.
312. Заметки археолога о романах Юрия Домбровского // Тыняновский сборник. М., 2002. Вып. 11. С. 497–508.
313. О Татьяне Сергеевне Пассек // РА. 2003. № 3. С. 156–165.
314. Вспоминая В.И. Цалкина // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М., 2003. С. 215–220.
315. А.К. Толстой и А.С. Уваров // Уваровские чтения – V. Муром, 2003. С. 244–245.
316. Роль Н.Н. Воронина в защите памятников культуры России // РА. 2004. № 2. С. 173–180.
317. Историография русской археологии на рубеже XX–XXI веков: Обзор книг, вышедших в 1997–2003 годах // А.А. Формозов. Историография русской археологии на рубеже XX–XXI веков. Курск, 2004. С. 10–54.
318. К истории исследования Авдеевской палеолитической стоянки // Там же. С. 54–63.
319. Следы знакомства с «Историей» Геродота в древнерусской литературе // Памятники археологии и древнего искусства Евразии: Сб. статей памяти В.В. Волкова. М., 2004. С. 187–188.
320. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2004. 316 с.
- (Рец.: Щавелёв С.П. Новые книги А.А. Формозова по истории и теории русской археологии (2004–2005). Курск, 2006. 19 с.).
321. Исторические сочинения Н.Г. Леклерка и П.Ш. Левека и русская историография // Восточная Европа в средневековье: Сб. к 80-летию В.В. Седова. М., 2004. С. 57–58.

322. Рассказы об ученых. Курск, 2004. 122 с.
(Рец.: Щавелёв С.П. Новые книги А.А. Формозова по истории и теории русской археологии (2004–2005). Курск, 2006. 19 с.).
323. Человек и наука: Из записей археолога. М., 2005. 223 с.
(Рец.: Щавелёв С.П. Новые книги А.А. Формозова по истории и теории русской археологии (2004–2005). Курск, 2006. 19 с.).
324. История раскопок палеолитической стоянки Староселье // На пошану С.С. Березаньскої. Київ, 2005. С. 30–37.
325. Судьба «Записок» историка С.М. Соловьева // От древней Руси к новой России: Юбилейный сб., посвящ. Я.Н. Щапову. М., 2005. С. 352–360.
326. Люди ищут клады: Послесловие // В.А. Бердинских. История кладоискательства в России. М., 2005. С. 234–238.
327. Александр Владимирович Виноградов // РА. 2005. № 3. С. 186–189 (в соавт. С Л.Т. Яблонским).
328. Триада жизнедеятельности А.Д. Столяра // In situ: К 85-летию А.Д. Столяра. СПб., 2006. С. 4–9.
329. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. Изд. 2-е, доп. М., 2006. 342 с.
330. Слово об историке; Письмо к В.А. Бердинских, 1987 г. // В.А. Бердинских: историк и писатель: Библиографический указатель. Киров, 2005. С. 8–9, 66–68.
331. Александр Николаевич Формозов: Жизнь русского натуралиста. Изд. 2-е, доп. М., 2006. 208 с.
332. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. Изд. 2-е, доп. М., 2007. 183 с.
333. К истории баллотировки В.А. Городцова на выборах в Академию наук СССР в 1938 г. // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник, посвящ. памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб., 2007. С. 251–258.
334. О письмах Гектора Берлиоза к В.Ф. Одоевскому // Там же. С. 279–282.
335. Ответы на анкету «Историки России. Особенности научной работы» // В.А. Бердинских. Вятские историки: Ремесло историка в России. Киров, 2007. С. 206–210.
336. Статьи разных лет. Курск, 2008. 132 с., илл.
337. Отчет об археологических исследованиях в Краснодарском крае в 1960 г. // Мешоко — древнейшая крепость Предкавказья: А.Д. Столяр, А.А. Формозов. Отчеты Северокавказской экспедиции Государственного Эрмитажа 1958–1965 гг. СПб., 2009. С. 40–61.
338. Заметки о русской интеллигенции 1940-х – 2000-х годов // В кн.: Щавелёв С.П. Историки Курского края. Биографический словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. Курск, 2009. С. 357–371.
339. Интервью А.А. Формозова (данное С.ПА. Щавелеву 12 декабря 2008 г.) // Там же. С. 434–443.

340. «Сберечь памятники сумеют только те, кому они дороги...» // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1028–2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М., 2010. С. 37–42.

341. On the Klejn's book «*The phenomenon of Soviet archaeology*» and on the phenomenon itself // L.S. Klejn. *Soviet Archaeology: Schools, Trends, and History* / Translated by Kevin Windle. Oxford, 2010 (в печати).

Составители: Н.В. Лопатин, С.В. Кузьминых, С.П. Щавелёв

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН

МАО

МГУ

РАН

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

[Фото — Л.С. Клейн]

Лев Самуилович Клейн — археолог, филолог, историк, антрополог; доктор исторических наук. Профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Преподавал в Свободном университете Западного Берлина, Венском, Копенгагенском, Даремском университетах, университете Вашингтона (Сиэтл) и других университетах мира. Один из основателей Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Автор более 300 печатных работ. Библиографию см. в кн.: Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Льва Самуиловича Клейна / Сост.: Л. Б. Вишняцкий, А. А. Ковалев, О. А. Щеглова. — СПб: изд-во С.-Петербургского университета, 2004. — 502 с. Полную библиографию (свыше 300 названий) см. в кн.: Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Льва Самуиловича Клейна / Л. Б. Вишняцкий, А. А. Ковалев, О. А. Щеглова. — СПб: изд-во С.-Петербургского университета, 2004. — 502 с.

Более полная библиография представлена на сайте [Археология. РУ](#)

[Фото — С.П. Щавелев]

Сергей Павлович Щавелев — доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии Курского государственного медицинского университета.

Автор более 300 печатных работ по философии (теории познания и методологии науки); историографии российской археологии; истории Древней и Средневековой Руси.

См.: *Алексеев П.В.* Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. И доп. М., 2002. С. 111; *Алексеев П.В.* Философы России начала XXI столетия. Биографии, идеи, труды. М., 2009.